

TABLE OF CONTENTS

ON JOURNALISTIC ETHICS

<i>Eugene Goodwin.</i>	Groping for Ethics in Journalism.....	5
<i>Henry Schulte.</i>	Government and Media in Conflict.....	117
<i>Stanly Rothman.</i>	Television and the New Presidential Politics.....	157
<i>Paul Johnson.</i>	Journalists and Historians.....	166
<i>Radio Liberty Program.</i>	More on Journalistic Ethics.....	182
<i>Ben Bradlee.</i>	Janet Cooke.....	189

FROM THE HISTORY OF THE AMERICAN PRESS

<i>Peter Andrews.</i>	The Press.....	213
<i>Michael Schudson.</i>	Inventing the Interview.....	255
<i>Stephen Bates.</i>	To Fix the Press.....	263

RUSSIAN MEDIA TODAY

<i>Gleb Pavlovski.</i>	"Glasnost" As a State's Institution.....	269
------------------------	--	-----

О ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКЕ

Юджин Гудвин

В ПОИСКАХ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКИ*

ПОИСК СТАНДАРТОВ

Если вы стукнули или поцарапали чужой автомобиль на стоянке, оставили ли вы под "дворником" записку для его хозяина со своим именем, адресом и номером страховки?

Если кассир ошибся со сдачей в вашу пользу, вернете ли вы лишнее?

Если не блистающий умом знакомый попросит у вас рекомендацию для устройства на работу, напишете ли вы о нем всю правду?

Все это — примеры этических проблем, с которыми каждый из нас не раз сталкивается на протяжении всей жизни. Все это вопросы совсем иного рода, чем "Был ли прав президент Трумэн, отдав приказ о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки?"; "Как оценить действия Ричарда Никсона, распорядившегося скрыть правду о взломе в отеле "Уотергейт"?"; "Верно ли, что если женщина думает об аборте, никто не вправе повлиять на ее решение, за исключением разве что врача?". От того, как мы разрешаем этические проблемы, будь они чисто житейского или космического масштаба, зависят и наша личная мораль, и уровень цивилизованности нашего общества.

Иногда наша этика определяется экономическими факторами. Вспомним для примера мусорщика Элфрида Дулитла, одного из персонажей "Питмалиона" Бернарда

*Главы из книги *H. Eugene Goodwin. Groping for Ethics in Journalism. Iowa State University Press/Ames, 1987.*

Шоу, и его попытки уговорить профессора Хиггинса заплатить за “использование” Элизы, дочери Дулитла. Когда шокированный полковник Пикеринг спрашивает у Дулитла, есть ли у него хоть какие-то моральные устои, тот без тени смущения отвечает: “Я не могу себе позволить такую роскошь, хозяин. Да и вы не смогли бы, окажись вы в моей шкуре”.¹

Конечно, в чем-то на наше поведение влияет и воспитание, то, чему нас когда-то учили родители, священники и полиция. Впрочем, многие считают, что в наше время, когда общественная мораль трещит по всем швам, уроки воспитания уже не играют прежней роли.

Как пишет Джеймс Уолл, редактор газеты “Крисчен Сенчури”, “в нашем веке, особенно в его второй половине, вера в авторитеты полностью разрушилась, о чем лучше всего свидетельствует пример шестидесятых годов. Ничего “святого” уже больше не осталось. Ни общество, ни семья, ни отдельные люди уже больше не верят, что есть какие-то стандарты поведения, которых мы обязаны придерживаться либо из уважения к моральным авторитетам, священным обладателям Истины, либо из страха перед властями”.²

Уолл считает, что крушение всеобщих авторитетов повысило важность профессиональных поведенческих и этических кодексов и стандартов. “Когда повсюду царит хаос, хоть кто-то должен соблюдать хоть какой-то порядок”.

Пока не ясно, ощущают ли все американские журналисты, или хотя бы их большинство, необходимость создания собственных профессиональных этических стандартов, нейтрализующих ослабление моральных устоев общества в целом. Однако не подлежит сомнению, что в последнее время журналисты проявляют повышенную чувствительность к этическим проблемам. Дэвид Шоу из “Лос-Анджелес Таймс” видит в этом одно из благих последствий утер-

гейтского скандала. По его мнению, “журналистам пришлось буквально научиться профессиональной порядочности, поскольку бороться с враньем политиков можно только честными способами”. Шоу отмечает, что такое “очищение” прессы было итогом реакции на официальную ложь периода войны во Вьетнаме и злоупотребления никсоновской администрации, кульминацией которых и стало утергейтское дело.³

Любой внимательный наблюдатель без труда найдет множество подтверждений тому, о чем пишет Шоу. Сегодняшние журналисты, работающие в журналах и газетах, на телевидении и радио, явно больше беспокоятся о надлежащем профессиональном поведении, чем это было в недавнем прошлом. В то же время есть немало примеров, показывающих, что до подлинной этической ответственности нынешней журналистике еще далеко.

Эта книга — отчет о состоянии журналистской этики в Соединенных Штатах, дополненный рядом рекомендаций относительно ее улучшения. В основе книги — сотни бесед и дискуссий автора с работниками средств массовой информации всех уровней. Кроме того, здесь учтены публикации специалистов по этике, работников печати и представителей иных профессий, озабоченных соблюдением этических стандартов в столь важной для общества сфере журналистики.

ДОГОВОРИМСЯ ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ

Когда заходит речь о профессиональной этике американских журналистов, сразу возникает несколько серьезных проблем. Одна из них заключается в том, что журналисты, в отличие от врачей или юристов, в основном работают по найму и потому не полностью свободны в своей профессиональной деятельности. Другая не менее сложная проблема — абсолютная вера журналистского корпуса в свя-

тость свободы печати, гарантированной Первой поправкой к Конституции, даже если на практике эта свобода оборачивается правом публиковать всякую дрянь.

Первая поправка утверждает, что *“Конгресс не должен издавать законов, касающихся установления какой-либо религии или запрещающих ее свободное исповедование, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об исправлении злоупотреблений”*. Эти принципы, закрепленные как в федеральной конституции, так и в конституциях всех пятидесяти штатов, составляют правовую основу свободы печати в Америке, с которой тесно связана профессиональная этика американских журналистов.

Первая поправка отнюдь не означает, что деятельность печати вообще не может ограничиваться никакими законами. Этот пункт Конституции, как и все прочие ее положения, многократно рассматривался и интерпретировался судами разных уровней. В результате была признана допустимость ряда ограничений полной свободы публикаций, например, запрета на диффамацию. Кроме того, в прошлом суды ограничивали свободу сотрудников радио и телевидения более жесткими рамками, чем свободу работников печати, хотя сегодня эти различия вроде бы уже исчезают.

Но дело не только в юридических постановлениях. Журналисты и сами интерпретируют Первую поправку, а это тоже влияет на их понимание своей профессиональной этики. Многие работники средств массовой информации абсолютизируют свободу печати и потому сопротивляются любым попыткам ввести всеобщие профессиональные стандарты, независимо от того, исходят ли эти предложения от государства или от коллег. “Сила американской прессы — в ее разнообразии”, — пишет один из редакторов газеты “Нью-Йорк Таймс” Абрахам Розенталь. “Есть издатели, которым я никогда не подам руки, но я не хочу никаких кодексов, которые запретили бы им заниматься своим делом”.⁴

Бывший директор Журналистского Комитета в защиту свободы печати Джек Ландау опасается, что суды могут потребовать от различных мелких изданий, подчас весьма экстравагантных и даже шокирующих, соблюдения “моральных норм большой прессы”. По его мнению, это случится само собой, когда суды начнут приглашать в качестве экспертов и свидетелей сотрудников уважаемых газет и поголовно навязывать всем и каждому профессиональные кодексы основных органов массовой информации и журналистских организаций. Ландау предупреждает, что мелкие газеты, теле- и радиостанции будут просто не в состоянии функционировать в духе тех канонов точности и всесторонности, которых придерживается “Нью-Йорк Таймс”, поскольку не имеют для этого ни квалифицированного персонала, ни информационных ресурсов. Кроме того, продолжает Ландау, органы “альтернативной” прессы нередко попросту отрицают многие профессиональные стандарты основных средств массовой информации. Например, зачастую их редакторы и корреспонденты вовсе не желают быть объективными. В беспристрастности они видят лишь чуждый им идеал “преуспевающих белых журналистов-мужчин с хорошим университетским образованием” и настаивают на своем праве иметь и пропагандировать сколь угодно нетрадиционные взгляды. Джеку Ландау вовсе не импонирует предложение, чтобы “суды говорили этим людям, что хорошо и что плохо”.⁵

Сходного мнения придерживается и Лайл Деннистон, репортер балтиморской газеты “Сан”, аккредитованный при Верховном Суде США. Он тоже отвергает концепцию всеобщего журналистского этического кодекса, поскольку считает себя “фанатиком Первой поправки”, которая, по его мнению, выражает идеал открытого общества, не допускающий никаких административных ограничений на свободное выражение идей. Он уверен, что каждый журналист должен придерживаться своего собственного набора

правил профессионального поведения, “основанных на личных морально-этических убеждениях”.⁶

В то же время есть немало журналистов, которые тоже опасаются вмешательства властей в свободу печати, но понимают Первую поправку в том смысле, что эта свобода требует ответственности и соблюдения профессиональных стандартов. Поэтому они требуют от журналистов более достойного поведения и большего уважения к общественному мнению.

“Мы решительно возражаем против любого вмешательства властей в сбор и распространение информации,” — заявляет редактор отдела новостей концерна Ганнет Пол Джененч. “Но мы думаем, что прессе каждый раз, когда начинают критиковать ее действия и методы, не следует отгораживаться от мира Первой Поправкой”. Джененч настаивает, что журналисты должны считаться с критикой как коллег, так и читателей, а прессе следует “действовать на основе писанных профессиональных кодексов, позволяющих всем журналистам судить о том, что можно и чего нельзя делать”.⁷

Еще один журналист, поддерживающий умеренную интерпретацию Первой поправки, — Пол Пурмэн, бывший редактор и вице-президент газеты “Экран Бикон Журнал”. “Наши руки должны быть чистыми. Если мы хотим, во-первых, получать приличную прибыль, и, во-вторых, исполнять общественные обязанности, гарантированные Конституцией,... мы должны быть выше подозрений”, — пишет Пурмэн. Он добавляет, что в Первой поправке нет ни слова о конфиденциальности, честности и множестве других этических проблем сегодняшней журналистики, поскольку авторы конституции не могли предвидеть современную роль прессы. Пурмэн составил список из тридцати четырех пунктов, по которым абсолютная свобода прессы ограничивается федеральными законами, принятыми Конгрессом (пример: освещение отношений между трудом

и капиталом). “Буквально каждый раз, когда передо мной размахивают Первой поправкой, — говорит Пурмэн, — я вспоминаю Двадцать первую поправку, в которой просто говорится об отмене Восемнадцатой поправки”.⁸

Ответственность перед обществом. Многие из тех, кто изучал американскую журналистику и средства массовой информации после Второй мировой войны, пытались найти возможные основы системы журналистской этики в теории общественной ответственности прессы, которая фактически содержится (хотя и без этого названия) уже в докладе так называемой Комиссии Хатчинса по свободе печати. Блестящее изложение этой концепции можно найти в книге профессора и бывшего декана Колледжа коммуникаций Университета штата Иллинойс в Урбане Теодора Питерсона “Четыре теории прессы”, изданной в 1956 г. Питерсон видит основную предпосылку теории общественной ответственности прессы в том, что “свобода немыслима без выполнения определенных обязанностей, распространяющихся и на средства массовой информации, обладающие в американском обществе привилегированным положением”.⁹

В теории ответственности печати перед обществом Питерсон видел замену традиционных либертарианских взглядов, которым следовали основатели американской печати. Эти взгляды покоятся на идеях таких мыслителей, как Джон Мильтон, Джон Эрскин, Томас Джефферсон и Джон Стюарт Милль. Согласно либертарианской концепции, средства массовой информации должны принадлежать частным лицам и быть максимально свободны от пративительственного вмешательства — только так они смогут свободно искать истину и контролировать деятельность правительства. Печать может быть ответственной или безответственной, публиковать правду или ложь — как считают сторонники либертарианства, все это не страшно,

поскольку читатели и зрители достаточно разумны, чтобы отличить одно от другого. Из таких взглядов вытекает необходимость свободного рынка идей, на котором без всяких ограничений слышны любые голоса — это и есть наилучший из всех возможных способ достижения истины.

Как пишет Питерсон, «оптимистическая вера в то, что пресса не нуждается ни в каких иных коррективах, кроме практически абсолютной свободы человека, постепенно уменьшилась».¹⁰ Питерсон утверждал, что теория общественной ответственности печати обоснована новыми факторами, отсутствовавшими в прошлом. Один из них — полностью изменившая «американский образ жизни» научно-техническая революция, которая создала кино, радио и телевидение и сделала возможной концентрацию собственности на средства массовой информации лишь в немногих руках.

Еще один новый фактор — «изменившийся интеллектуальный климат, стимулирующий недоверие к основным идеям Просвещения». И последнее, по мнению Питерсона, «приход в прессу образованных и принципиальных людей и привнесение в индустрию новостей социальной ответственности, уже присущей американскому бизнесу в целом, что привело к развитию у журналистов профессиональной идеологии». Питерсон не пытался вывести из очерченной им теории конкретные этические правила. Более того, он призвал читателей не забывать, что «теория социальной ответственности — пока еще в основном теория. Но как теория она имеет несомненную важность, поскольку задает определенное направление размышлениям о свободе печати».

Через двадцать пять лет после публикации «Четырех теорий прессы» Питерсон в интервью автору отметил, что в разделе своей книги о социальной ответственности печати он не отстаивал никаких конкретных положений, хотя его часто в этом обвиняли. Он считает, что эта глава

сильно повлияла на программы журналистских факультетов американских университетов, что, в свою очередь, могло ускорить развитие профессиональной журналистской этики. «Но к сожалению, — продолжает Питерсон, — возникшая таким образом этика все еще не имеет философской базы».¹¹

Хотя Питерсон и полагает, что большинство современных этических стандартов и кодексов средств массовой информации возникли в ответ на критику со стороны общества, в этом интервью он подчеркивает свое глубокое уважение к профессиональному поведению известных ему лично сотрудников газет и журналов, принадлежащих к тому же поколению, что и он сам. По его мнению, «они обладают сильно развитым чутьем на правду».

Коллега Питерсона по университету Клиффорд Кристианс меланхолично заметил, что теория общественной ответственности печати «так и не привела к возникновению надежных этических стандартов». Уменьшение количества информационных каналов, пишет Кристианс, «напоминает, что кроме общественного блага у нас, возможно, и нет больше другого критерия отбора подлежащей передаче информации».¹²

Другой университетский профессор, Джон Халтенг из Стэнфорда, признает, что большинство преподавателей журналистики и редакторов, равно как и многие работающие корреспонденты, считают, что в наше время, когда становится все меньше газет, радиостанций и телестудий, у средств массовой информации нет другого надежного ориентира, кроме ответственности перед обществом. В то же время Кристианс отмечает, что многие положения ныне действующих этических кодексов журналистики не следуют из теории общественной ответственности, что у них немало других источников, в том числе традиционная либертарианская идеология и журналистская традиция.¹³

Не нужно думать, что приведенные не столь уж восторженные оценки реального влияния теории обществен-

ной ответственности на журналистику означают бесплодность самой теории. Она уже оказала определенное влияние на средства массовой информации в прошлом и вполне может оказать еще большее воздействие в будущем. Хотя эта теория и в самом деле пока не смогла стать серьезным фундаментом работающей журналистской этики, ее основные положения и сегодня выглядят весьма убедительно.

Право общества на информацию. Хотя многие журналисты не слишком разбираются в тонкостях теории общественной ответственности прессы, всем им без исключения хорошо знаком лозунг примерно того же времени — “Публика имеет право на информацию”, который в послевоенное время стал поистине заклинанием американских журналистов, стремившихся больше узнать о делах правительства, бизнеса и других сфер общества, до тех пор довольно успешно укрываемых от внимания публики.

Судя по всему, первым эту фразу использовал бывший руководитель агентства Ассошиэйтед Пресс Кент Купер, а в сознание журналистского корпуса она внедрилась после того, как стала заглавием книги, написанной Гарольдом Кроссом в 1953 г. для Американского общества газетных редакторов. Он писал, что широкая публика имеет законное право знать, что делают власти, и печать, действуя в качестве полноправного представителя общества, обязана добывать и публиковать такую информацию.¹⁴ Лозунг “права на информацию” превратился в знамя для великого множества журналистов, в глазах которых принцип свободы печати означает особую ответственность средств массовой информации, обязанных наблюдать за деятельностью государственных органов всех уровней и защищать граждан от произвола властей.

Концепция “права на информацию” стимулировала длительную и в целом успешную кампанию в американской прессе, которая привела к принятию Конгрессом в 1967 г.

Закона о свободе информации и вынудила власти большинства штатов ввести открытые заседания и разрешить доступ к официальным протоколам. Хотя эти новые законы и правила удовлетворили журналистов далеко не полностью, но все же помогли сделать информацию о работе государственных органов более доступной для широкой публики.

Движение за расширение права на информацию имело и этическое содержание. Оно помогло журналистам осознать себя в качестве представителей общества, хотя подчас это и проявлялось в слишком агрессивной форме. Репортер, посланный осветить важное открытое заседание, на котором вообще не присутствовали посторонние кроме разве что пары адвокатов или кого-то из Лиги женщин-избирательниц, чувствовал свою ответственность и старался как можно лучше ознакомить свою аудиторию с происходящим. О том же думали и журналисты, сообщавшие о делах бизнеса и прочих негосударственных институтах, также интересующих публику.

Лайл Деннистон видит во взглядах Кросса своего рода Уловку-22, ситуацию типа “куда ни кинь, все клин”. Он не разделяет взглядов тех, кто считает, что положение о свободе печати было введено в Конституцию, чтобы обеспечить прессе возможность наблюдать за работой органов власти. По мнению Деннистона, если довести эти идеи до логического завершения, поневоле придешь к выводу, что печать — еще одна служба коммунальных услуг, а отсюда недалеко и до представлений о прессе как о части государственной машины. Как говорит Деннистон, отсюда вытекает вполне естественный вывод: пресса получает доступ к информации лишь тогда, когда это выгодно властям.¹⁵

Деннистон уверен, что на самом деле журналисты ничем не обязаны своей аудитории. Конечно, они стремятся быть услышанными и понятыми, но отнюдь не в силу какого-то долга, предписанного концепцией права на информацию. “Я не шофер автобуса, который обязан останавливаться по

первому требованию пассажира”, — пишет Деннистон. “Я собираю и продаю идеи — в этом и состоит мой бизнес. Если кто-то хочет их купить, отлично, пусть покупает, но не говорите мне, что у вас есть право получать от меня сведения”.

Многие журналисты отнюдь не разделяют идей Деннистона и не боятся сравнения печати со сферой коммунальных услуг, понимая это в смысле, что пресса имеет определенные обязанности перед обществом. Однако сейчас лозунг о праве на информацию почему-то все реже используется ведущими глашатаями американской журналистики. С другой стороны, широкая публика продолжает в него верить. Некоторые читатели и зрители даже считают, что вправе требовать, чтобы им говорили именно то, что они хотят услышать.

Журналисты тоже пытались и пытаются использовать концепцию права на информацию в собственных целях. Например, они могут сослаться на нее, оправдывая собственное неблагоприятное поведение, скажем, нарушение обещаний или кражу информации.

Насколько серьезны такие аргументы? Давайте вспомним, что сотрудники газет, радио и телевидения ежедневно решают, что именно вправе знать аудитория — хотя бы уже потому, что всего не передашь и не опубликуешь. Любой посетитель, забредший в отдел новостей к концу рабочего дня, может лично убедиться, как много сообщений так и осталось неиспользованными. Право общества на информацию и информированность реализуется через субъективные мнения и решения редакторов и менеджеров, распределяющих газетные полосы и эфирное время. Столь несовершенная доктрина вряд ли может оправдывать противозаконное или хотя бы неэтичное поведение любого не лишнего мозгов журналиста.

Точность и беспристрастность. Хотя американские журналисты часто расходятся во взглядах на многие пробле-

мы, практически все они уже давно считают важнейшими требованиями своей работы аккуратность и честность в освещении материалов. Конечно, оба эти критерия являются этическими не в меньшей степени, чем чисто рабочими или профессиональными.

Вокруг стандарта точности у журналистов всегда возникало больше проблем, чем может показаться на первый взгляд. С одной стороны, работники прессы обязаны уложиться в определенные сроки, подчас весьма жесткие. Новости должны быть самыми свежими, при их подготовке редко удается избежать спешки, которая легко становится источником ляпсусов. По этой причине в былые времена на стенах многих отделов новостей висел старый лозунг: “Быть первыми, но в первую очередь не допускать ошибок”. Это звучит очень красиво, но каждый репортер очень скоро убеждается на практике, что погоня за скоростью порождает фактические неточности, а стремление к полной достоверности зачастую приводит к потере темпа и опозданию публикации.

Идеал точности труднодостижим еще и по другой причине. Большинство читателей и зрителей и даже многие журналисты ждут от средств массовой информации “правдивых” сведений, забывая о старом предупреждении Уолтера Липпмана, что новости и истина — совершенно разные вещи.¹⁶ Факты, которые журналисты в *состоянии* отыскать и опубликовать, иногда и в самом деле пополняют наш запас истинных сведений, однако те же журналисты лишь изредка могут собрать воедино достаточно информации, чтобы у аудитории и в самом деле возникло полное и адекватное представление о предмете. Для примера можно вспомнить, что многочисленные и в высшей степени квалифицированные репортеры, освещавшие войну во Вьетнаме, так и не приблизились к истинному описанию этого противоречивого и не простого для понимания конфликта. Они могли точно проинформировать аудиторию, что заявил такой-то

американский генерал и какие операции предприняли в такой-то день американские и южновьетнамские войска или части Вьетконга. Все это были “факты”, как правило, вполне достоверные, но еще далеко не та “истина” о Вьетнамской войне, которую мы начинаем постигать только сейчас.

Конечно, чем проще ситуация, описываемая журналистами, тем адекватней они могут представить ее публике. Однако это не отменяет общего вывода, что средства массовой информации поставляют далеко не “истину”, а факты и только факты. Непонимание этого важнейшего обстоятельства порождает такие требования к прессе, которые та просто не в состоянии удовлетворить, и создает у широкой публики ложные представления о функциях журналистики в американском обществе.

Сказанное ни в коей мере не означает, что журналисты не обязаны правильно излагать факты или что они не стараются этого делать. Требование журналистской точности как раз и значит, что работникам прессы положено соблюдать высокие стандарты достоверности в сборе и подаче сведений — например, не лгать и не заниматься плагиатом.

Хотя в истории американской прессы легко найти самые красочные ляпсусы, в целом уже лет сто идеал точности и аккуратности признан всем журналистским сообществом. Но точность — это еще не все, поскольку она вполне может сочетаться с необъективностью.

Беспристрастность и непредубежденность — второй главный идеал американской журналистики. Критерий непредубежденности вошел в сознание журналистов вследствие соблюдения чисто рабочего требования объективной подачи фактов. Авторы книг по истории американской прессы прослеживают корни объективной журналистики либо в возникновении в прошлом веке синдикатов новостей вроде Ассошиэйтед Пресс, либо в стремлении журналистов, возникшем уже в нашем столетии, имитиро-

вать методы естественных наук. Как бы то ни было, постепенно все признали, что новости должны быть честными, непредубежденными и взвешенными, хотя само требование “объективности” породило немало споров, которые отчасти были вызваны интерпретацией и осуществлением этого требования руководителями отделов новостей, особенно в крупных агентствах и газетных синдикатах. Многие из них понимали объективность в предельно узком смысле: нужно точно сообщать, что говорят и делают видные персоны, не задавая вопросов о мотивах и не предлагая никаких объяснений — все это должно было оставаться на долю аудитории.

Бывший редактор нью-йоркской газеты “Дейли Ньюс” Майкл О’Нейл на практике столкнулся с этим определением объективности, делая для ЮПИ репортаж о забастовке 1950 на чикагских бойнях. Профсоюз заявил, что хозяева боен нанимали штрейкбрехеров, но администрация это отрицала. О’Нейл тайно проник на территорию боен, перебравшись через ограду и изодрав о колючую проволоку костюм. Там он обнаружил целое общежитие штрейкбрехеров, которые не только работали, но и жили на бойнях. О’Нейл лично насчитал 125 коек. Однако редактор не пропустил материал в печать, заявив, что его нельзя использовать без ссылок на представителя администрации. Как говорил через много лет О’Нейл, это требование было сплошным идиотизмом, поскольку половина информации, добываемой журналистами, такова, что никто не захочет признать ее официальной.¹⁷

Журналисты, которые настаивали, что новости только тогда новости, если их признают таковыми имеющие на то право, фактически играли на руку таким отъявленным демагогам, как сенатор Джозеф Маккарти. Маккарти превосходно сознавал, что почти каждое высказывание сенатора Соединенных Штатов является новостью, и фактически превратил прессу в свою невольную сообщницу по рас-

пространению фантастических измышлений о массовом проникновении коммунистов в правительственные учреждения и даже в вооруженные силы. Это происходило в пятидесятые годы, когда под каждой кроватью чудился коммунист. Маккарти так рассчитывал время своих выступлений, встреч с журналистами и пресс-релизов, чтобы сообщения о них редакции получили как раз перед основными программами новостей. Даже если бы журналисты и захотели проверить его обвинения, у них никогда не хватило бы на это времени, поскольку пришлось бы задержать новости до завтрашнего дня. Мыльный пузырь Маккарти лопнул в 1954., когда Сенат осудил его поведение 67 голосами против 22. Многие журналисты сильно призадумались над тем, каким образом этот искусный манипулятор использовал средства массовой информации в собственных целях. В итоге работники средств массовой информации стали постепенно терять доверие к прежнему узкому определению объективности.¹⁸

Концепция журналистской объективности испытала дальнейшие пертурбации в шестидесятые и в начале семидесятых годов — во время Вьетнамской войны и политических бурь, вызванных ею. По мнению противников истеблишмента, требование строгой беспристрастности превращало прессу в игрушку в руках генералов, президентов и многих других, контролирующих жизнь американцев, и препятствовало распространению правдивой информации. Те же круги считали журналистскую беспристрастность не только невозможной, но даже нежелательной. Со временем эти упреки стали еще сильнее.

“Со стороны журналистов глупо и нечестно продолжать настаивать на том, что они не имеют никаких собственных воззрений, политических убеждений, пристрастий и тому подобное”, — утверждает Роберт Шир из “Лос-Анджелес Таймс”. “А если они и вправду не лицемерят, я хотел бы знать, как и почему они все это потеряли и куда при этом

смотрели... Для меня главный вопрос не в том, может ли журналист быть нейтральным, а в том, как он может делать свою работу, сохраняя честность и объективность”.¹⁹

С другой стороны, требование объективности критиковали и за то, что оно якобы приводит к чрезмерно мягкому, почти примитивному стилю подачи материала, когда все факты и все точки зрения представляются настолько равноправными и одинаково значительными, что в сознании читателя возникает искаженная картина событий. В противовес этому утверждается, что сложные реалии современного мира требуют не нейтральных наблюдателей, а компетентных и знающих журналистов, способных понять и интерпретировать то, о чем они пишут.

С пятидесятых годов требование объективного описания событий подвергается столь сильным нападкам, что и сегодня далеко не все журналисты руководствуются им. Большая часть работников сегодняшних средств массовой информации, в том числе и те, кто проповедует веру в “объективность”, на первое место ставят честность и непредубежденность. Однако многие все еще настаивают, что журналисты могут и даже должны стараться проявлять разумный нейтралитет и не позволять собственным взглядам влиять на освещение событий. Таким образом, все сообщения о смерти объективности явно преувеличены; в то же время нельзя не признать, что в прошлом объективностью злоупотребляли настолько, что сегодня многие журналисты предпочитают следовать более простым требованиям непредубежденности и честности.

Как показал опыт, объективная журналистика служила и на пользу, и во вред аудитории. Первое имело место, когда репортеры-универсалы понимали, что пишут о вещах, в которых недостаточно разбираются, и потому старались проявить максимальную беспристрастность и информировать аудиторию обо всех аспектах описываемых событий и обо всех точках зрения. В подобных ситуациях читатели и зрители, вероятно, и в самом деле выигрывают, поскольку

получают голые факты, не отягощенные чужими суждениями.

В то же время ничего хорошего не получается, если репортеры в погоне за объективностью выдают поверхностные сообщения, состоящие в основном из ссылок, надерганных из разных источников. Точно так же аудитория проигрывает, если авторы репортажей отступают от канонов строгой объективности при рассказе о таких сложных и беспокоящих общество вещах, как война во Вьетнаме и восприятие ее американцами, поскольку подобные явления просто взывают к объяснениям и гуманистической интерпретации.

В контексте данной книги особое значение приобретает этическое измерение требований журналистской аккуратности и честности. Точность, поскольку она означает добросовестный подбор и освещение фактов, оказывается важным этическим стандартом, аналогичным запрету на ложь, что большинство журналистов и соблюдает в своей ежедневной работе. Аналогичное этическое измерение приобретает и требование добросовестного использования источников и непредубежденности репортажа, если понимать его как требование к журналистам воздерживаться от преждевременных суждений и оценок, в разумной мере проявлять человеческие чувства и эмоции и рассказывать публике о том, что им удалось узнать, без искажений и преувеличений. Для объективности было придумано немало разных определений, но все они также имели выходы в этику, которые влияли на работу множества журналистов. Идея объективного освещения событий, при всем ее несовершенстве, все же стала для американских журналистов своего рода этическим императивом.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УМНОЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТСКИХ КОДЕКСОВ

Формализация этических стандартов журналистики была достигнута через деятельность появившихся уже в на-

шем столетии профессиональных объединений работников средств массовой информации, например, Американского общества газетных редакторов, учрежденного в 1923 г.²⁰ Фактически это общество начало свою работу с подготовки такого кодекса. Хотя к этому времени несколько журналистских объединений в некоторых штатах уже утвердили собственные кодексы, так называемый Канон журналистики, принятый Американским обществом газетных редакторов, оказался первым общеамериканским сборником профессиональных этических принципов, разработанным для работников прессы. Позднее появились и другие подобные документы, в частности, кодексы Общества профессиональных журналистов—Сигма Дельта Хи и Ассоциации директоров отделов новостей радио и телевидения. В 1975 г. Американское общество газетных редакторов полностью заново переписало свой кодекс, назвав его на этот раз “Перечнем принципов Американского общества газетных редакторов”.

Первый кодекс Американского общества газетных редакторов вскоре после утверждения подвергся нелегкому испытанию. Несколько местных отделений Общества проголосовали за исключение из своих рядов издателя денверской газеты “Пост” Бонфилса, уличенного в получении миллионной взятки за сокрытие от публики информации о незаконной продаже в частные руки государственных нефтяных месторождений в штате Вайоминг. Хотя Бонфилс нарушил практически все пункты журналистского кодекса Американского общества газетных редакторов, дискуссии о применении к нему санкций ни к чему не привели, и в 1929 г. Общество постановило, что соблюдение кодекса может быть только добровольным. На это решение сильно повлияло обещание Бонфилса подать на Американское общество газетных редакторов в суд, если против него будут приняты какие-либо меры.²¹

Угроза судебных исков висела и над руководством Общества профессиональных журналистов-Сигма Дельта Хи,

когда оно высказалось в 1985 г. против принуждения отдельных членов своей организации соблюдать ее этические нормы. Юридический консультант Общества Брюс Сэнфорд заверил совет директоров, что если кто-то из членов Общества будет наказан за нарушение кодекса, то он сможет успешно опротестовать это решение в суде. Согласно тогдашнему президенту общества Фрэнку Сазерленду, члены совета руководствовались еще двумя мотивами: во-первых, они опасались, что навязывание соблюдения кодекса может противоречить Первой поправке к Конституции, и, во-вторых, они не были уверены в способности сотрудников местных отделений Общества профессиональных журналистов-Сигма Дельта Хи принимать взвешенные решения, от которых зависела вся последующая карьера журналиста.²²

Ни одна из журналистских организаций не имела и до сих пор не имеет действенных способов обеспечить выполнение профессионального кодекса всеми членами. Такие кодексы были и остаются в основном декларациями профессиональных идеалов и принципов. Ассоциация директоров отделов новостей радио и телевидения утвердила свой кодекс в 1966 г. и модифицировала в 1973. Общество профессиональных журналистов одобрило кодекс Американского общества газетных редакторов в 1926 г., в 1973 — утвердило свой собственный, а в 1984 г. внесло в него дополнения, осуждающие плагиат. Ассоциация редакторов-администраторов агентства Ассошиэйтед Пресс в 1975 г. приняла свой собственный этический кодекс.

В семидесятые-восьмидесятые годы впервые появились или были модифицированы профессиональные кодексы нескольких журналистских организаций меньшего калибра, таких, как Национальная конференция авторов передовиц, Общество авторов отделов путешествий, Ассоциация спортивных редакторов агентства Ассошиэйтед Пресс и Общество американских экономических обозревателей.

Кейси Букро, основной автор кодекса Общества про-

фессиональных журналистов-Сигма Дельта Хи, редактирующий в газете “Чикаго Трибюн” статьи по экологии, считает, что этот документ в какой-то мере оздоровил журналистику, но жалеет, что Общество не нашло способов провести его в жизнь. После утверждения этого кодекса Букро восемь лет был в составе Совета директоров Общества профессиональных журналистов, а затем возглавлял комитет общества по профессиональной этике. На этих постах он старался добиться, чтобы местные отделения Общества профессиональных журналистов учредили специальные комиссии для рассмотрения жалоб на неэтичное поведение журналистов. Эта идея не увенчалась успехом — из страха, что местные отделения будут заниматься охотой на ведьм. “Такие страхи, — указывал Букро, — не свидетельствуют о выдающемся интеллекте наших уважаемых сочленов — если этические проблемы игнорировать, они только осложняются”.²³

Некоторые журналисты относятся к писаным кодексам профессиональной этики без особого восторга. Как считает писатель Лесли Виттен, эти кодексы составлены в слишком общей форме и потому практически бесполезны. Виттен, много лет собиравший информацию для известного обозревателя Джека Андерсона, отмечал, что ему довелось встретить лишь несколько нечестных журналистов, мало-симпатичных и дурно воспитанных субъектов, которым было плевать на любые профессиональные кодексы. По мнению Виттена, репортерский корпус в основном состоит из “действительно хороших” людей, пришедших в журналистику как из любви к известности, так и из желания приносить пользу. Но тщеславие журналиста вполне удовлетворяется, когда появляется статья за его подписью. Как писал Виттен, “журналистика всегда была занятием для порядочных людей, которым постоянно недоплачивают и которые тем не менее честно занимаются своим делом, потому что считают его справедливым и полезным и, конечно, потому что ценят признание своего авторства”.²⁴

Еще один видный журналист, не верящий в кодексы, Абрахам Розенталь, в недавнем прошлом — один из ведущих редакторов “Нью-Йорк Таймс”. По его мнению, большинство кодексов “направлены на достижение наименьшего общего знаменателя” и слишком легко выполнимы. Хотя Розенталь и опасается, что общенациональные журналистские кодексы могут быть использованы против свободы печати, гарантированной Первой поправкой, он признает что каждая конкретная газета, если она того пожелает, вправе принять свой собственный кодекс. У отдела новостей газеты “Нью-Йорк Таймс”, отмечает Розенталь, есть собственные правила работы, как писанные, так и неписанные, однако “до сих пор никто не видел необходимости в том, чтобы скомпоновать их вместе и оформить в виде кодекса”. “Если уж делать кодекс, то он должен быть действительно жестким и четко отвечать на вопрос, какая часть газетной площади должна быть занята статьями и новостями, а какая — рекламой”. По словам Розенталя, если бы он сам составил единый профессиональный кодекс для всех американских газет, мало кто захотел бы ему следовать.²⁵

Многие лидеры американской журналистики разделяют нелюбовь Розенталя к всеобщим этическим кодексам. Они признают или, как минимум, соглашаются терпеть ныне существующие кодексы национальных или штатных объединений журналистов, поскольку те относятся только к членам организаций, сформулированы в максимально общей форме и, в любом случае, не обязательны для исполнения. Но кодексы отдельных газет, таких как “Филадельфия Инквайрер” или “Лос-Анджелес Таймс” — совсем другое дело.

Зубастые кодексы. Несмотря на то, что отдел новостей “Нью-Йорк Таймс” вплоть до последнего времени направлял поведение своих сотрудников устными инструкциями и служебными записками, большинство ведущих американ-

ских газет уже приняли писанные этические кодексы и стандарты. В электронной журналистике ситуация иная. Если главные американские телекомпании Эй-Би-Си, Си-Би-Эси Эн-Би-Си утвердили тщательно разработанные кодексы, обязательные как для их центральных информационных служб, так и для принадлежащих этим компаниям теле- и радиостанций, то абсолютное большинство независимых станций подобных кодексов не имеет.

Многие средства массовой информации по совету своих адвокатов, опасавшихся, что это создаст почву для судебных исков, воздержались от составления писанных кодексов. Небольшие газеты, теле- и радиостанции, не обладающие многочисленным штатом, обычно просто не ощущают потребности в таких кодексах.

В некоторых отделах новостей предпочитают решать спорные вопросы о журналистском поведении в открытых дискуссиях. Так делается например, в газете “Сент-Питерсберг Таймс”, где главный редактор Эндрю Барнс регулярно проводит совещания сотрудников, на которых, в частности, обсуждаются этические проблемы. По мнению Барнса, кодификация правил журналистского поведения часто лишь прикрывает нежелание реально решать реальные проблемы, возникающие в повседневной редакционной работе. Как считает Барнс, о таких проблемах можно и нужно дискутировать, а не искать ответа в писанных правилах.²⁶

Такое отношение присуще многим отделам новостей, имеющим собственные кодексы (стоит отметить, что и в газете Барнса все же есть писанные правила относительно конфликта интересов и получения подарков и услуг). Однако острое критики Барнса направлено против действительно существующей готовности некоторых средств массовой информации принять формальный кодекс, повесить его на стенку и тем самым счесть, что все этические проблемы решены раз и навсегда. К сожалению, такое и впрямь имеет место во многих отделах новостей. Как правило, их

кодексы — лишь несколько приспособленные к местным условиям варианты кодексов больших журналистских организаций типа Американского общества газетных редакторов. Эти документы составлены в предельно общей форме и потому мало полезны при разрешении конкретных затруднений и конфликтов.

Кодексы большинства крупных газет и основных телекомпаний составлены совершенно иначе. Как правило, они весьма детализированы и часто обязательны к соблюдению. Недавно Американское общество газетных редакторов изучило кадровую политику двадцати пяти крупнейших американских газет, четырнадцать из которых имеют писанные внутренние кодексы. За три года, предшествовавшие обследованию, руководство газет с кодексами уволило за нарушение их одиннадцать журналистов-новостников и временно отстранило от работы еще шестерых. За это же время в остальных одиннадцати газетах, не имеющих кодексов, были уволены три сотрудника и пятеро отстранены от работы. Вот что говорится об этом в отчете Комитета по профессиональной этике Американского общества газетных редакторов:

“Редакторы обследованных газет чаще всего утверждали, что наказанные сотрудники были уличены в обмане. Например, один из них лишился места потому, что, поступая на работу, написал в анкете, что имеет высшее образование, а это было ложью. Еще трех журналистов уволили за прогулы или фальсификацию отчетов о расходах.

Имел место и такой случай: репортер использовал в своей заметке содержание интервью, показанного по телевидению, не сославшись на источник. Редактор газеты подчеркивал, что такое нарушение само по себе не влекло за собой увольнения. Однако сам корреспондент продолжал настаивать, что получил опубликованные

им материалы независимо, что было опровергнуто дальнейшим расследованием. Как сказал редактор, “этот человек сознательно лгал и потому был уволен”.

Причины остальных увольнений по большей части заключались в том, что журналисты подрабатывали на стороне, что вызывало конфликт интересов. Например, один из них использовал принадлежащие редакции слайды и некоторые иные материалы для публикаций в других изданиях”.²⁷

Обследование Американского общества газетных редакторов также охватило небольшие газеты. В общей сложности на вопросник Общества ответили 226 редакторов, сообщивших, что за три года как минимум 78 сотрудников были уволены или отстранены от работы за этические нарушения. При этом оказалось, что газеты с собственными внутренними кодексами более жестко наказывали за нарушение этических норм, чем газеты без таких кодексов.

В качестве примера газеты, чье руководство требовало от сотрудников жесткого соблюдения этического кодекса, можно назвать “Филадельфия Инквайер”. Спортивный комментатор этой газеты однажды был отстранен от освещения местных соревнований по баскетболу после того, как редакторы узнали, что местный колледж продлил ему контракт на преподавание только из боязни, что в противном случае следует ожидать резкой критики игры команды колледжа. Тогда этому комментатору поручили писать о конных соревнованиях, однако выяснилось, что он является совладельцем одной из соревнующихся лошадей. Во избежание конфликта интересов ему предложили продать свою долю. Вскоре ему же поручили освещать баскетбольный чемпионат Национальной атлетической ассоциации университетов (НААУ). Здесь открылось, что он поставлял материалы для одного из изданий НААУ. Все эти действия в той или иной форме противоречили разделу о конфликте

интересов “Стандартов профессионального поведения” — внутреннего кодекса газеты. В конце концов злополучному журналисту прямо сказали, что если он допустит еще хотя бы одно нарушение кодекса, его переведут на канцелярскую должность.²⁸

Джозеф Шоквест, ранее возглавлявший редакцию газеты “Милуоки Джорнел”, вспоминает, что как-то ему пришлось ненадолго отстранить от работы без сохранения зарплаты двух сотрудников, нарушивших внутренний кодекс газеты, принятый в 1973 г. Один из них принял участие в политической демонстрации, а второй втайне от руководства газеты участвовал в предвыборной кампании своего близкого друга.²⁹

Другой бывший главный редактор-администратор, Ричард Таттл, работавший в рочестерской газете “Демократ энд Кроникл”, был вынужден обсуждать условия отставки литсотрудника с большим стажем. Это произошло после того, как достойного ветерана уличили в том, что он тайно выполнял частные заказы по созданию имиджа и рекламного характера. Это открылось, когда журналист забыл на своем рабочем столе вскрытый конверт с письмом от одного из клиентов. По словам Таттла, после ухода из газеты этот человек очень успешно занялся политической рекламой.³⁰

Когда Таттл покинул Рочестер и возглавил газету в другом городе того же штата Нью-Йорк, он убедил своих сотрудников совместно подготовить подробный этический кодекс. Этот документ содержит одно из самых сильных дисциплинарных предупреждений во всей американской прессе: “Нарушители кодекса подлежат порицаниям или наказаниям, включая временное отстранение от работы с лишением жалования и увольнение”. Можно предположить, что многие главные редакторы, прочитавшие этот документ, не могли не подумать со вздохом: “Это не хитрость проявлять жесткость, если над тобой не висит Гильдия”.

Газетная Гильдия. Газета Таттла “Стар-Газетт” в городе Эльминор, штат Нью-Йорк, и более полутора тысяч других американских газет *не имеют* контрактов с Газетной Гильдией АФТ-КПП, — профессиональным союзом, представляющим работников газет, журналов и информационных агентств, в том числе двух крупнейших — АП и ЮПИ. Всего лишь примерно 140 американских и канадских газет имеют контракты с Гильдией, но зато в их числе большинство крупнейших ежедневных изданий, доля которых в общем тираже всех ежедневных изданий США и Канады превышает 30 процентов.³¹

Гильдия стала важным фактором в процессе создания профессиональных журналистских кодексов, поскольку она выступает против составления этих документов руководителями средств массовой информации без предварительной договоренности с сотрудниками (подобно договорам между профсоюзом и администрацией о продолжительности рабочей недели и ставках оплаты). Помимо этого Гильдия опасается ссылок на этические кодексы в трудовых контрактах, поскольку предвидит, что в этом случае администрация получит право наказывать за нарушение этических норм точно так же, как и за нарушение трудового распорядка. По мнению Гильдии, положения этических кодексов должны рассматриваться не как правила поведения на рабочем месте, но только как общие идеалы журналистики.

“Этические кодексы тем и отличаются от уголовных, что содержат общие пожелания”, — утверждает Дэвид Эйзен, руководитель информационно-исследовательского отдела Гильдии. Эйзен и другие администраторы Гильдии озабочены тем, что точное соблюдение кодексов заставит сотрудников прессы пойти на некоторые материальные жертвы. Речь идет о том, что кодексы, как правило, запрещают журналистам получать всякого рода льготы, такие как бесплатные билеты на спортивные соревнования и

специальные цены в гостиницах, что многие журналисты считают естественной привилегией своей профессии. Эйзен даже отмечает, что многие издатели фактически пропагандируют идею, что дополнительные блага типа бесплатного просмотра кинофильмов компенсируют недостаточную зарплату журналистов.³² Президент Гильдии Чарльз Перлик отмечал, что спортивный журналист, строго соблюдающий требования профессионального кодекса, теряет - три-четыре тысячи долларов дополнительного ежегодного дохода.³³

Можно ли считать традиционные привилегии работников прессы чем-то вроде дополнительного заработка наподобие чаевых для официантов? Этот вопрос стоял в центре судебных разбирательств с участием Гильдии, выступавшей против хозяев двух периодических изданий — мэдисонской “Кэпитэл Таймс” и газеты “Меркьюри”, издающейся в городе Поттстаун, штат Пенсильвания. В обоих случаях издатели своей волей ввели для персонала этические кодексы, опротестованные работниками редакций. Жалоба сотрудников “Кэпитэл Таймс” сперва разбиралась федеральным судьей по административным вопросам, который нашел, что журналистские привилегии фактически играют роль добавки к зарплате и потому всё связанное с ними должно обсуждаться между журналистами и работодателями. Гильдия добилась передачи этого решения на арбитраж Национального совета по трудовым отношениям. В 1976 г. Совет постановил, что хотя администрация и вправе вводить специальные правила, регулирующие получение журналистами бесплатных билетов и других подобных льгот и требующие от работников прессы информировать начальство о любых дополнительных занятиях, способных создать конфликт интересов, она не может без предварительных договоренностей с персоналом наказывать за невыполнение этих правил. Ричард Рамси, исполнительный секретарь Комитета по контрактам Гильдии, интерпретировал мнение

Совета как подтверждение общей концепции своей организации, согласно которой работодатели могут установить любые общие нормы профессиональной этики журналистов, если они не влекут за собой никаких санкций; в противном же случае такие нормы и ограничения, или, как минимум, упомянутые в них наказания, должны быть предметом договоров между издателями и сотрудниками редакций.³⁴

Позднее, уже во второй половине восьмидесятых годов, Национальный совет по трудовым отношениям занял аналогичную позицию и в отношении кодекса поттстаунской “Меркьюри”, также опротестованного Гильдией. В конце концов Совет в 1987 г. предписал газете полностью аннулировать кодекс.

Руководители средств массовой информации были весьма недовольны участием Гильдии в делах “Кэпитэл Таймс” и “Меркьюри”. Вероятно, наиболее резко выступил Норман Исаакс, бывший редактор газет в Индианаполисе, Сент-Луисе и Луисвилле, назвавший роль Гильдии “постыдной”. По мнению Исаакса, который выступал на стороне издателей в деле “Кэпитэл Таймс”, Гильдия, это детище Хейвуда Брона, созданное ради поддержки профессиональной журналистики, теперь поощряет “погоню за долларами и полное пренебрежение этикой”.³⁵ Исаакс обвинил руководство Гильдии в том, что оно ставит “телегу впереди лошади — профсоюз впереди газеты”.³⁶

Упомянутый Исааксом Хейвуд Брон, обозреватель газеты “Нью-Йорк Уорлд”, был одним из основателей Гильдии и (в 1933 г.) ее первым президентом. На заре существования Гильдии возникали споры, чем она должна прежде всего стать — профессиональной ассоциацией или тред-юнионом. Согласно авторитетному исследованию ранней истории Гильдии, сам Брон был “убежденным тред-юнионистом” и много сделал для того, чтобы Гильдия фактически стала профессиональным союзом, входящим в АФТ-КПП.³⁷

По мнению Перлика, тогдашнего президента Гильдии,

ее позиция в отношении навязываемых администрацией поведенческих кодексов включает два основных момента:

“Наша первая принципиальная установка состоит в том, что сотрудники редакций должны через своих избранных представителей как-то участвовать в составлении кодексов, поскольку у издателей безусловно нет монополии на профессиональные добродетели. Некоторые из имеющихся кодексов заходят в своих требованиях слишком далеко и фактически лишают журналистов некоторых гражданских прав, например, запрещают им участвовать в политической или общественной деятельности — и это при том, что сами издатели вполне свободны от таких ограничений. Мы считаем, что о таких вещах нужно вести переговоры с работодателями, и в этом с нами согласились два арбитра Национального совета по трудовым отношениям.

Наш второй принцип: если новый кодекс лишает сотрудников редакций тех или иных устоявшихся привилегий, имеющих материальную ценность, журналисты имеют право на компенсацию. Откуда следует, что на персонал должна падать вся тяжесть внезапного решения руководства газеты сделать ее столь же непорочной, как жена Цезаря?”³⁸

Эйзен и Рамси усматривают некую иронию в деле газеты “Меркьюри”. Список правил поведения, которые пытался внедрить ее ныне отставной издатель, мало чем отличается от кодекса Общества профессиональных журналистов. Как отмечают только что названные авторы, требования кодекса Общества сформулированы настолько абстрактно, что их невозможно навязать журналистам для практического выполнения, и само Общество даже и не пытается этого делать.³⁹

У Гильдии есть собственный этический кодекс, принятый в 1934 г. Теперь ее руководители заявляют, что само существование этого документа, равно как и Первая статья

утвержденного годом раньше Устава Гильдии, где говорится, что эта организация будет стремиться “поднять уровень журналистики и укрепить ее этику”, показывают, что Гильдия с самого начала серьезно занималась этическими проблемами.

Журналисты электронных средств массовой информации не входят в Газетную Гильдию, их представляет другой профсоюз — Американская федерация работников радио и телевидения. Пока что эта организация никак не участвовала в спорах о журналистских этических кодексах.

Перед тем, как покончить с этой темой, надо отметить, что еще никто не доказал существования связи между этическими кодексами и этичным поведением. Как известно каждому работнику индустрии новостей, “Нью-Йорк Таймс”, не имеющая и никогда не имевшая писаного кодекса, пользуется высочайшей репутацией. С другой стороны, обладание кодексами еще никого не гарантировало от нарушений профессиональной этики. Формальные перечни поведенческих принципов и стандартов вполне полезны (не исключено, что даже очень важны) для ознакомления сотрудников газет, информационных агентств, радио и телевидения с основными этическими требованиями их профессии. Ту же информационную функцию кодексы выполняют по отношению как к будущим журналистам, так и к публике в целом. Однако определить, какие журналисты и редакции ведут себя достойно, а какие нет — задача куда более трудная, чем просто спросить “Есть ли у вас свой кодекс?”

СИТУАЦИОННАЯ ЭТИКА

Если американские журналисты сталкиваются с вопросами этики, то их действия обычно определяет конкретная ситуация. Нет ничего странного, что типичный ответ на вопрос “Как бы Вы поступили?” начинается словами “Это зависит от того...”. Такой обычаем не может не вызвать беспокой-

ства, поскольку наводит на мысль об отсутствии у журналистов прочных этических установок.

На самом деле все не так просто. Американские журналисты привержены идеалу свободной прессы, которая не зависит от правительства и прочих внешних сил. Работники прессы убеждены в своей ответственности перед обществом, в праве публики на информацию и в необходимости следовать высоким стандартам добросовестности и точности. Многие журналисты также подчеркивают необходимость четко разделять информацию и рекламу. Эти принципы признают практически все работники средств массовой информации.

Но если это так, почему же журналисты предпочитают решать этические проблемы в зависимости от обстоятельств? Отчасти это объясняется тем, что общая позиция относительно общих этических принципов не избавляет журналистов от разногласий по поводу того, что такое хорошо и что такое плохо, и как следует поступить в той или иной конкретной ситуации.

Принципы, ценности и цели нередко кажутся противоречащими друг другу. Например, если вы пытаетесь рассказать полную правду о каком-то заслуживающем внимания событии, приходится учитывать, что кое-кому от этого могут грозить неприятности. Вы можете искренне верить, что ши-рокая публика имеет право на полную информацию о работе правительства, но как быть, если ваша публикация наносит вред национальной безопасности; Вы можете, в принципе, считать, что должны информировать аудиторию о том, каким образом и от кого вы получили публикуемые сведения. Но как вы поступите, если можете получить сведения для публикации только при условии соблюдения анонимности? Никто не сомневается, что журналистам следует сохранять независимость и избегать конфликта интересов, но как добиться этого, не разрывая связей со своими согражданами? Решая для себя этические проблемы, часто

приходится соотносить принципы и ценности, противоречащие друг другу.

Этические проблемы и в самом деле не решаются абстрактно: поведение, вполне корректное в одних обстоятельствах, может быть абсолютно неприемлемым в других. Скажем, судебный репортер, имеющий медицинские навыки, лишь выполнит свой долг, если во время судебного заседания “включится в события”, оказав первую помощь жертве сердечного приступа. В то же время фотокорреспондент на футбольном матче нарушит все правила этики, если бросит свою камеру и выскочит на поле в качестве игрока.

Все было бы проще, если бы в этически трудных ситуациях журналисты могли опираться на изрядное число прецедентов. Поскольку американские журналисты всерьез озаботились этическими проблемами сравнительно недавно, такого рода опыта у них пока еще недостаточно. Другой фактор, благоприятствующий ситуационной этике — открытость американской журналистики. Дело в том, что журналистом в Америке может стать практически каждый — не требуется ни специального образования, ни квалификационных экзаменов, ни медкомиссий. Чтобы считаться журналистом, не обязательно публиковаться в “Нью-Йорк Таймс” или работать в телекомпании Эй-Би-Си. Вы вполне можете называть себя журналистом, если издаете собственный бюллетень новостей или внештатно сотрудничаете в мелких местных газетах. При наличии денег вы можете даже купить телевизионное время для собственной программы или газетную площадь, оплаченную как объявление. Можно работать для средств массовой информации с солидной репутацией или посылать статьи в никому не известные газетенки и журнальчики. Можно постоянно сотрудничать лишь с одной газетой, теле- или радиостанцией, но можно и продавать свои материалы тому, кто больше платит. Таких “вольных стрелков” в Америке не так уж много, но они существуют и с полным правом называют себя журналистами.

Все это сказано для того, чтобы подчеркнуть общий вывод: американское журналистское сообщество очень слабо контролирует деятельность своих членов, и это увеличивает вероятность этических разногласий.

Размышляя над этическими проблемами. Этикой интересуются не только журналисты, но и люди иных профессий. Некоторые опираются на этические концепции, разработанные философами или социологами. Впрочем, практических журналистов эти тонкости мало интересуют. Вы вряд ли найдете в отделах новостей работы Иеремии Бентама или Иммануила Канта — их сотрудники предпочитают решать свои этические затруднения, не прибегая к помощи классиков.

Однако способы решения этических проблем журналистики все же существуют. Например, автор этой книги в своих университетских лекциях по журналистской этике с успехом применял некий алгоритм, который может принести пользу работающим журналистам. Вот перечень вопросов, который стоит задавать себе, встречаясь с этическими затруднениями:

1. Как мы обычно поступаем в аналогичных случаях? Прошлый опыт помогает не всегда, но игнорировать его не стоит. В частности, если подобные ситуации встречались уже не раз и разрешались в соответствии с определенными стандартами, то их нужно принять во внимание.

2. Кто выиграет и кто проиграет в результате? Нередко случается, что действия журналистов наносят ущерб группам или отдельным личностям, но полезны обществу в целом. Во многих случаях правильный ответ на только что поставленный вопрос поможет журналисту решить, как ему поступить.

3. Существуют ли иные, лучшие варианты? В этически конфликтных ситуациях всегда необходимо рассматривать все имеющиеся альтернативы и лишь тогда принимать окончательное решение.

4. Не придется ли мне краснеть перед самим собой? Все этические решения принимаются под сильнейшим воздействием личностных факторов. Редактор “Чикаго Трибюн” Джеймс Сквайрс рекомендовал репортерам “не делать ничего такого, чего бы постыдилась ваша матушка”.⁴⁰

5. Могу ли я оправдать свой поступок перед другими? Если мы знаем заранее, что придется объяснять (редактору в служебной записке, или всем читателям в собственной статье), почему мы решили поступить так, а не иначе, мы будем куда более осторожны и ответственны в своих действиях. Другими словами, мы нуждаемся в убедительных и понятных остальных оправданиях своих действий.

6. Какие принципы и ценности могу я применить? В каждом этическом решении одни принципы, такие как правдивое освещение предмета, право общественности на информацию, сострадание, ответственность перед обществом, справедливость, предоставление слова противным сторонам и независимость журналиста, особенно важны, а другие — второстепенны. И в каждом конкретном случае чрезвычайно важно умение отличать первые от вторых.

7. Соответствует ли данное решение моим идеалам журналистики (или моим общим представлениям о жизни и человеческих взаимоотношениях)? Этот пункт не требует комментариев. Очевидно, что наши конкретные поступки должны соответствовать нашему мировоззрению.

Цель вышеприведенного вопросника совсем не в том, чтобы принудить всех принимать одинаковые решения в одинаковых ситуациях. Такое в моей преподавательской практике случалось не часто. Задача в другом — стимулировать логическое мышление. Логика не только не противоречит этической теории, но напротив, помогает достичь теоретически обоснованных практических решений. И если даже вы не интересуетесь общими вопросами этики или философии, наш алгоритм, по крайней мере, поможет вам находить разумные и логичные решения этических проблем.

ПОБОЧНЫЕ ДОХОДЫ И ПРИВИЛЕГИИ

Журналистам, так же, как конгрессменам и университетским профессорам, подчас перепадают кое-какие приработки и иные дополнительные блага. Как правило, они не так уж и велики. Это могут быть рабочие места в пресс-отделах административных учреждений, специальные пропуска, не предназначенные для широкой публики, бесплатные парковки и (очень редко) льготные цены в государственных магазинах (военторгах).

Еще пару десятилетий назад работники средств массовой информации бесплатно пользовались местами в пресс-службах Конгресса, Белого Дома, штатных и городских учреждений. Ситуация стала меняться после Уотергейта, когда журналисты и государственные чиновники начали проявлять большую щепетильность во взаимных отношениях. Теперь некоторые крупнейшие средства массовой информации платят за рабочие помещения в государственных и муниципальных учреждениях. А в столицах некоторых штатов, таких как Калифорния и Флорида, сотрудники прессы даже покинули здание администрации штата и оборудовали рабочие помещения на стороне.

Такая тенденция пока что не обрела значительных масштабов и более заметна на местах, нежели в Вашингтоне. Некоторые средства массовой информации платят сейчас федеральной казне за используемые ими помещения, но большинство по-прежнему этого не делает. Федеральное правительство, в отличие от властей штатов, до сих пор не требовало от прессы платить за помещения. Когда газета "Уолл-Стрит Джорнэл" начала по собственной воле вносить в казну свыше тысячи долларов в год в качестве арендной платы, Норман Миллер, заведующий вашингтонским бюро этой газеты, объяснял это тем, что у газеты нет неотъемлемых прав на занимаемую площадь.⁴¹

Некоторые руководители средств массовой информации считают получение "жилплощади" от государствен-

ных учреждений недопустимой льготой. К тому же они беспокоятся, что власти могут использовать эту привилегию для давления на прессу. Например, после того как "Чикаго Трибюн" нелестно отозвалась о мэре города Джейн Берн, та в отместку лишила сотрудника газеты рабочего места в пресс-службе мэрии. На следующий день мэр опомнилась и отменила запрет, но память об этом инциденте до сих пор бросает в дрожь многих журналистов.

Клод Ситтон, редактор газеты из города Рэлей в Северной Каролине, возражает против того, чтобы репортерам предоставляли бесплатные парковки и телефоны в административных зданиях, но не видит ничего предосудительного в бесплатных помещениях для прессы. Обе его газеты предлагали администрации штата оплачивать занимаемые помещения, однако та так и не определила арендную плату. По мнению Ситтона, пресса, освещающая работу администрации, выступает в качестве представителя широкой публики. По его словам, "законодательное собрание штата, как и другие общественные учреждения, обязано информировать граждан о своей работе, и пресса выполняет эту задачу".⁴²

Дополнительные блага посерьезней. Есть и более прибыльные привилегии, которыми пользуется немало журналистов — скажем, возможность купить новую машину со скидкой или получить льготный членский билет в загородный клуб. Конечно, такие привилегии раздают не за красивые глаза — те, кто их предоставляет, нуждаются в хороших отношениях со средствами массовой информации.

Джеймс Нофтон из газеты "Филадельфия Инквэйрер" в бытность молодым репортером работал в одной из кливлендских газет. Когда ему потребовалась новая машина, он обратился за советом к коллегам, и редактор автомобильного раздела объяснил, что автомобиль можно купить по льготной цене, надо всего лишь позвонить в Детройт, в от-

дел по связям с прессой корпорации “Дженерал Моторс”. По словам Нофтона, многие таким же образом покупали новые автопокрышки. Раньше это казалось в порядке вещей, но сейчас Нофтон считает, что поступил неправильно.⁴³

Нечто подобное вспоминает и Джек Ландау, бывший директор Журналистского комитета в защиту свободы печати. По его словам, на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, когда он работал в газете “Вашингтон Пост”, отделы по связи с прессой автомобильных фирм часто “устраивали” журналистам машины по оптовым ценам. Как-то Ландау и сам хотел воспользоваться этой льготой, но после беседы со своим редактором Расселом Виггинсом передумал. Виггинс сказал, что “Дженерал Моторс” была бы рада выдать ему в бесплатное пользование “бьюик” на целый год, рассчитывая на хвалебный отзыв о машине в газете, и фактически это оказалось бы взяткой. “Никогда не делайте таких вещей, это неэтично”, — таков был совет Виггинса молодому Ландау.⁴⁴

В наше время подобная практика уже стала редкостью, но вряд ли изжита полностью. Впрочем, со скидкой журналистам продают не только машины. Газеты для рецензирования получают книги, которые не нужно возвращать в издательства. В конце семидесятых годов в печать проникли сведения, что некоторые редакторы библиографических отделов распродавали такие издания (а за год их накапливались сотни и даже тысячи) и прикарманивали выручку. Некоторые ухитрялись зарабатывать так до тысячи долларов в месяц, причем их начальство и не подозревало о масштабах этих операций. Когда вся эта история стала достоянием гласности, некоторые редакторы лишились дополнительной кормушки, а как минимум двое даже потеряли работу.⁴⁵ Интересно, что к тому времени некоторые газеты уже нашли способы достойно избавляться от залежей посылаемых на рецензию книг. Например, “Нью-Йорк Таймс”, вероятно получающая больше изданий, чем

любая другая американская газета (в середине восьмидесятых годов — примерно тридцать семь тысяч томов в год), продает большую часть книг, затем удваивает выручку за счет собственных средств и жертвует всю сумму Публичной библиотеке Нью-Йорка.

КОДЕКСЫ ГЛАСЯТ: ПРОТИВЬТЕСЬ ИСКУШЕНИЮ

Проблема льгот и подачек возникла в американской журналистике сравнительно недавно. По крайней мере, она почти не затрагивается в ранней литературе по журналистской этике, опубликованной в двадцатые годы, в то время как сегодня она у всех на устах. Это не значит, что в начале века у печати не было искустителей. Конечно же, их хватало и тогда. Но, судя по всему, в то время лидеры журналистики и руководители прессы не видели в них особой угрозы для журналистской нравственности. Согласно одной теории, обостренное внимание к журналистским льготам явилось следствием того, что, начиная с двадцатых годов, самые различные организации (государственные, административные, деловые и т.п.) стали больше заботиться о своей общественной репутации и посему прибегать к услугам профессиональных публицистов и пропагандистов. Стало понятно, что хорошие отношения с прессой необходимы или, как минимум, полезны для общения с широкой публикой. Таких отношений стали добиваться с помощью разного рода подарков, скидок, бесплатных билетов и прочих подачек.

Если построить график, отражающий уровень получения журналистами льгот такого рода, то окажется, что кривая медленно возрастала в тридцатые-сороковые годы, достигла максимума на рубеже пятидесятых и шестидесятых, а в семидесятые и восьмидесятые пошла на убыль. Хотя и сегодня с проблемой льгот еще далеко не покончено, все же она не имеет того масштаба, что двадцать лет назад.

По мнению Билла Лайона, спортивного обозревателя и комментатора газеты “Филадельфия Инквайер”, сегодня все меньше журналистов прельщаются льготами и подачками, да и предлагают их все меньше, во всяком случае, в открытую. В то же время Лайон подчеркивает, что беззастенчивый журналист всегда найдет возможность с выгодой распорядиться своим положением.⁴⁶

Подачек стало меньше еще и потому, что сегодня многие средства массовой информации, особенно крупнейшие, полностью оплачивают деловые и командировочные расходы своих сотрудников. Сегодня репортеры в состоянии исполнять свою работу и без бесплатных билетов или завтраков. Но некоторые небольшие газеты и радиостанции все еще рассчитывают на какие-то льготы для своих сотрудников, особенно если тем приходится путешествовать.

Майкл Дэвис, редактор и издатель газеты “Хартфорд Курант” напоминает редакторам крупнейших периодических изданий, что им куда легче, чем коллегам из мелких газет, соблюдать высокие этические принципы. Как должен поступить редактор маленькой газеты, спрашивает Дэвис, если он не может оплатить репортеру билет на футбольный матч, рассказа о котором с нетерпением ждут читатели? По словам Дэвиса, “Большим шишкам не стоит задирать носа и смотреть сверху вниз на коллег меньшего калибра, у которых нет таких же финансовых возможностей. В конце концов, этика — это то, что вы себе можете позволить”.⁴⁷

Из всех национальных журналистских объединений только Ассоциация директоров отделов новостей радио и телевидения не включила в свой профессиональный кодекс никаких упоминаний о подачках для журналистов — прочие ассоциации не жалеют слов для их осуждения.

“Газеты не вправе принимать ничего ценного ни от источников информации, ни от кого бы то ни было еще за пределами своего профессионального круга”, — заявляет Ассоциация редакторов-администраторов агентства

Ассошиэйтед Пресс. “Необходимо отказаться от любых подарков, льготных или бесплатных поездок, вещей, развлечений и жилья. Газеты должны сами оплачивать все расходы по подготовке репортажей. Работники печати обязаны отклонить любые предлагаемые им льготы и услуги”.

Аналогичную декларацию можно найти и у Общества профессиональных журналистов: “Подарки, услуги, бесплатные путешествия, льготы и привилегии должны безусловно отклоняться, поскольку получение таковых ставит под сомнение добросовестность журналистов и наносит ущерб репутации их нанимателей”.

Американское общество газетных редакторов предупреждает, что “журналистам не следует принимать никаких подношений и любезностей; они должны избегать действий, которые реально или даже по видимости могут скомпрометировать их профессиональную репутацию”.

Проблема льгот и любезностей для журналистов приобретает повышенную остроту в связи с освещением спортивных событий и необходимостью служебных поездок. Поэтому журналистские организации в своих документах уделяют этим двум вопросам особое внимание.

Возьмем, например, этический кодекс Ассоциации спортивных редакторов агентства Ассошиэйтед Пресс (АСРАП). Он состоит из одиннадцати разделов, в пяти из которых говорится о подачках для журналистов. Вот эти тексты:

1. ДОРОЖНЫЕ И СОПУТСТВУЮЩИЕ РАСХОДЫ

Члены нашей организации и их сотрудники должны сами оплачивать свои расходы. Журналисты могут пользоваться чартерными рейсами вместе со спортивными командами, но следует всегда настаивать на получении счетов за такие путешествия. Газета обязана оплачивать проживание, питание и т.п. своих корреспондентов, освещающих соревнования.

Если газеты и разрешают своим репортерам питаться вместе с командами, то при условии, что они полностью оплатят все блюда и напитки...

4. ПОДАРКИ И ПРЕМИИ

Журналист может принять недорогой сувенир вроде календаря, шариковой ручки или цепочки для ключей, если отказ или возвращение выглядят невежливо. Все другие подарки должны отклоняться.

Любой сколько-нибудь ценный подарок необходимо немедленно вернуть, объяснив, что получение подарка противоречит правилам газеты. Если же возврат слишком сложен, газета обязана передать подарок на нужды благотворительности...

7. БИЛЕТЫ И ПРОПУСКА

Из-за нежелательного давления со стороны спортивных организаций некоторые газеты предпочитают сами оплачивать билеты и пропуска на спортивные игры и соревнования для своих корреспондентов. Во всех случаях, когда организаторы соревнований открыто оказывают давление на прессу в поисках более благоприятного освещения, рекомендуется без всяких исключений покупать билеты для своих репортеров за счет издания. Если отношения между газетой и спортивными организациями не выходят за рамки допустимого, АСРАП считает возможным, чтобы газета принимала от организаторов соревнований бесплатные билеты или стандартные журналистские пропуска вместе с разрешениями на бесплатную парковку. Однако спортивные редакторы ни в коем случае не должны ставить себя в ложное положение, выпрашивая льготные билеты для родственников, друзей или коллег по работе...

9. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРОВ ИЛИ ОБРАЗЦОВ

Члены АСРАП и их сотрудники отказываются от всех бесплатных или льготных предложений любых товаров или

финансовых услуг для собственных надобностей во всех случаях, когда такие предложения связаны с работой газеты. В частности, нельзя приобретать по сниженным ценам электротовары, одежду, спортивный инвентарь, лодки и автомобили, а также принимать льготные займы для их покупки.

10. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЛЬГОТЫ

Не следует принимать бесплатное или льготное членство в клубах или иных аналогичных организациях.

* * *

Осенью 1981 г. Общество авторов отделов путешествий утвердило пересмотренный вариант своего собственного кодекса профессиональной этики. В этой организации состоят редакторы, корреспонденты и внештатные сотрудники отделов путешествий, причем примерно половина из них работают в индустрии туризма (и потому являются лишь ассоциированными членами Общества). Вот несколько извлечений из нового кодекса Общества авторов отделов путешествий:

1. Общество считает необходимым проводить ежегодную ревизию членских списков, исключая из своего состава дилетантов, для которых журналистика просто хобби. В то же время Общество авторов отделов путешествий считает необходимым повысить профессиональные стандарты для приема новых членов.

2. Общество авторов отделов путешествий сотрудничает с издателями, редакторами и руководителями радио и телевидения, добиваясь повышения ставок оплаты статей, фотографий, фильмов и других материалов о путешествиях, одновременно подчеркивая экономическую необходимость возмещения оправданных путевых издержек, чтобы журналисты, специализирующиеся на туризме и путешест-

виях, могли работать так, чтобы у публики не появилось даже малейшего подозрения, что они отступают от принципа максимальной добросовестности.

3. Общество авторов отделов путешествий намерено поддерживать контакты с туристскими фирмами, финансирующими ознакомительные поездки для журналистов, настаивая в то же время, что участвующие в них журналисты должны пользоваться полной свободой освещать их позитивно или негативно или же не освещать вовсе. Общество авторов отделов путешествий рекомендует спонсорам таких поездок заранее информировать возможных участников, какие именно материалы они смогут опубликовать по возвращении. Общество рекомендует своим членам, отправляющимся в такие поездки, уделять как можно больше времени сбору материалов и не отвлекаться на светские мероприятия, не связанные непосредственно с работой...

5. Единственная обязанность членов Общества авторов отделов путешествий состоит в том, чтобы снабжать читателей, слушателей и зрителей объективной и адекватной информацией. Общество авторов отделов путешествий отмечает, что некоторые его члены работают в изданиях, не принимающих поездок на льготных условиях. Организации, финансирующие бесплатные ознакомительные поездки для журналистов, должны в своих приглашениях указать либо полную коммерческую стоимость поездки, либо стандартные расценки для прессы, чтобы предоставить тем журналистам, которые должны полностью или частично оплачивать все свои расходы, возможность принять участие в путешествии...

7. Члены Общества не должны принимать никаких вы плат или услуг за благоприятное, но противоречащее их собственным профессиональным оценкам освещение ознакомительных поездок...

11. Члены общества рассматривают поездки для журналистов как рабочие мероприятия и предпринимают все возможные усилия для точного и детального сбора и публикации сведений о предлагаемых маршрутах, не предъявляя чрезмерных требований к гостеприимству организаторов. Члены общества самостоятельно оплачивают все виды обслуживания, которые они запрашивают в дополнение к предоставляемым организаторами путешествий".

* * *

Как правило, кодексы некоторых газет и иных средств массовой информации еще более детально регламентируют поведение журналистов в отношении льгот и услуг.

Большую часть американских журналистов нельзя купить ни за бутылку спиртного, ни даже за бесплатный билет на самолет. Так что дело не в том, что журналиста можно соблазнить подношениями, а в том, что если такие подношения принимают, страдает репутация всего журналистского цеха. Общественная роль журналистики в высшей степени зависит от доверия публики, и поэтому пятна на ее репутации недопустимы.

Все журналисты и все средства массовой информации должны строго следовать принципу "плати за себя сам". Но это именно общий принцип, а не железное правило, вообще не допускающее исключений. Нельзя требовать от журналистов, чтобы, к примеру, они обязательно отклоняли приглашения на ленчи или коктейли, если эти встречи можно использовать для получения информации, нужной для работы. Аккредитованные при Белом Доме корреспонденты не нарушают никаких этических стандартов, принимая приглашения на приемы, поскольку таким образом они получают редкую возможность прямого контакта с президентом. Это же можно сказать и о городском репортере, пьющем кофе с работником канцелярии мэра, или о спортивном комментаторе, завтракающем с тренером местной

команды. Конечно, журналисту лучше самому заплатить за себя по счету, но это не всегда возможно из соображений этикета. Не следует делать трагедий из подобных ситуаций, если они способствуют лучшему исполнению журналистами их профессиональных обязанностей.

Тот же стандарт “плати за себя сам” должен уважаться и небольшими газетами или радиостанциями, которые любят оправдывать журналистские льготы интересами дела. Эта аргументация может казаться вполне убедительной, но так ли это в действительности? Всегда ли местной газете следует посылать репортеров в далекие поездки, осуществимые только с помощью “любезностей” от туристских компаний? Не лучше ли оставаться дома, чтобы следить за местными событиями и информировать публику о них, а освещение всего прочего вполне можно предоставить “Нью-Йорк Таймс” или теленовостям корпорации Эн-Би-Си. В этом случае местные журналисты смогут лучше всего выполнять ту работу, которую за них не сделает никто, и при этом ни от кого не зависеть.

При подготовке этой книги автор проинтервьюировал порядка ста семидесяти журналистов. По мнению большинства, в последнее десятилетие этический климат журналистики заметно улучшился, причем в значительной степени это произошло из-за того, что сегодня журналисты принимают куда меньше подношений и льгот. Поскольку такие подношения сами по себе бросаются в глаза, не удивительно, что именно по ним многие журналисты судят об этическом прогрессе в своей профессии. Некоторые из собеседников автора вообще не видели или не хотели видеть этических проблем журналистики, не сводящихся к подношениям или конфликту интересов; судя по всему, с их точки зрения вся журналистская этика сводится к этим двум пунктам.

Однако на самом деле этические проблемы журналистики ни в коем случае не исчерпываются льготами, любез-

ностями, конфликтами интересов. Журналист может ни разу в жизни не принять ни одного подношения и не допустить ни одного конфликта интересов, но в то же время добывать информацию недостойными методами, беззастенчиво вторгаться в чужую частную жизнь, возбуждать в публике низкие страсти или попросту лгать.

ПРАВИТЕЛЬСТВО НА СТРАЖЕ

Представьте себе, что вы — бывший заведующий отделом новостей, а ныне директор единственной телестанции южного города с населением в сорок шесть тысяч жителей. Вас просят срочно приехать на дом к окружному федеральному прокурору. Прибыв на место, вы находите там самого хозяина, прокурора города и начальника местной полиции (вы знаете всех троих еще со времен работы телерепортером). Кроме них, присутствуют несколько полицейских детективов, а вскоре подъезжает главный редактор городской газеты с репортером, специализирующимся на уголовной хронике.

Представители правоохранительных органов сообщают, что, по их данным, готовится заказное убийство местного бизнесмена. Роль киллера играет тщательно законспирированный агент полиции, однако даже ему не известны имена заказчиков, готовых выложить за операцию тридцать пять тысяч долларов. Все переговоры с “киллером” велись по телефону. Посредник на другом конце провода сообщил, что исполнитель получит оговоренную сумму через двадцать четыре часа после публикации сообщения об убийстве.

Вы узнаете от представителей властей, что, не имея иного выбора, они хотят попытаться убедить посредника, что заказ уже выполнен. По их словам, предполагаемая жертва находится под охраной полиции и готова принять участие в инсценировке. Полиция оставит где-нибудь поблизости

грузовой автомобиль бизнесмена со следами крови внутри, а потом сама же и “найдет” его. Полиция хочет, чтобы газета и телевидение немедленно сообщили о находке грузовика, естественно, не намекая, что все это заранее подстроено. Власти обещают назвать имя жертвы, только заручившись вашим согласием полностью сотрудничать с полицией, однако не скрывают от вас, что посредник уже сказал полицейскому агенту, замаскированному под киллера, что после совершения первого убийства, он назовет имена еще двух намеченных жертв. Что вы ответите на это предложение? Согласитесь ли вы сотрудничать с властями, даже если придется выпустить в эфир заведомую ложь? Что важнее — отказаться обманывать аудиторию или спасти одну, а то и три жизни?

Именно такая дилемма стояла перед Клиффом Брауном, директором телестанции города Хеттисберг в штате Миссисипи. Он решил исполнить просьбу властей, и в тот же вечер в местных новостях показали брошенный на проселочной дороге пикап местного скотопромышленника Оскара Блэка. Автор репортажа сообщил, что при осмотре машины полиция обнаружила пистолет и другие вещи Блэка, что были найдены явные следы борьбы и что сам Блэк исчез и его, возможно, нет в живых.⁴⁸

Назавтра местная газета “Хеттисберг Америкэн” посвятила этому событию всего лишь одну фразу в полицейской хронике, которая звучала так: “Полиция ищет информацию о предполагаемом убийстве Оскара Блэка”.⁴⁹

Эта формулировка принадлежала лично издателю газеты Дуайну Мак-Каллистеру, который явно пытался таким образом достичь двойной цели — не сорвать план полиции и не допустить публикации прямой лжи. Сам он позднее объяснил свою тактику нежеланием непосредственно участвовать в полицейской инсценировке. “На карту был поставлен важнейший принцип — никогда не обманывать читателей,” — писал Мак-Каллистер.⁵⁰

Браун, по его собственным словам, согласился выполнить просьбу властей, считая, что нескольким жизням грозит абсолютно реальная опасность. Он издавна хорошо знал и федерального прокурора Джорджа Филлипса, и других сотрудников правоохранительных органов, занимавшихся этим делом. Как вспоминал Браун, в прошлом эти люди никогда его не обманывали и не предпринимали попыток манипулировать им, так что у него и теперь не было никаких оснований подозревать их в нечестной игре.

Браун усматривает в данной ситуации столкновение между этикой жизни и этикой журналистики. Он подчеркивает, что всегда верил в нерушимость требования журналистских кодексов публиковать только точную и достоверную информацию, однако только что описанный случай заставил его осознать, “что в мире существует не так уж много абсолютов”. Браун верит в Бога и считает, что это повлияло на его решение.

На встрече в доме Филлипса Браун пообещал помогать властям, но лишь в течение недели. Вернувшись на телестанцию, он ничего не рассказал подчиненным, чтобы они могли работать, не зная о полицейской “подставке”. Случилось так, что в это время сотрудники службы новостей были заняты другим репортажем, новость об обнаруженном грузовике просто некому было зафиксировать. Брауну пришлось надавить на заместителя начальника службы новостей, чтобы тот послал бригаду репортеров. Браун выдумал, что ему позвонили по телефону и сообщили, что с найденной машиной связано нечто очень важное. Позднее, после того как первый фальшивый репортаж уже ушел в эфир, Брауну пришлось рассказать обо всем заместителю начальника службы новостей, поскольку тот уже начал подозревать, что что-то нечисто. Однако остальные сотрудники службы новостей, в том числе и ее начальник, ни о чем не подозревали целых три дня, пока полиция на пресс-конференции не заявила о провале задуманной инсценировки.

На встрече с журналистами прокурор города Гленн Уайт заявил, что полиция была близка к обнаружению организаторов убийства Блэка. Однако операция провалилась потому, что посредник что-то заподозрили и отменил встречу с “киллером”, где тот должен был получить тридцать пять тысяч долларов. Уайт воздал должное телестанции, Дженет Брасуэлл, репортеру “Хеттисберг Америкэн”, и сотрудникам полиции, занимавшимся этим делом за то, что те “подвергли риску свою репутацию, спасая человеческую жизнь, и ради этого даже отступили от требований профессиональной этики”. В то же время он не нашел слов одобрения для самой “Хеттисберг Америкэн”.⁵¹ Впоследствии Филлипс и городские власти осудили газету за то, что ее больше заботило мнение журналистского корпуса, чем спасение человеческой жизни.⁵²

Прокурор хвалил Дженет Брасуэлл не зря. Именно она навела полицию на расследование, которое закончилось провалившейся инсценировкой. Все началось с того, что ей позвонил неизвестный, отрекомендовавшийся частным сыщиком по имени Пит, и сообщил без всяких подробностей, что в Хеттисберге готовится заказное убийство. Брасуэлл рассказала об этом звонке Фрэнку Сазерленду, редактору-администратору газеты. Сначала они решили, что звонил сумасшедший, но когда через восемь дней звонок повторился, Брасуэлл и Сазерленд сообщили о нем полиции.

“Я верю, что полиция должна охранять закон, а мы должны рассказывать обществу о ее действиях, — говорит Сазерленд, — однако если репортер оказывается свидетелем убийства, ему не к лицу прятаться за щитом своей профессии, заявляя, что он может написать о виденном в газете, но не может сам проинформировать полицию”. По мнению Сазерленда, из этого же исходила и Дженет Брасуэлл, чьи действия он вполне одобряет.⁵³

Далее история развивалась следующим образом. Дженет Брасуэлл убедила своего “частного сыщика” обратиться прямо в полицию. Получив сведения о предполагаемом

убийстве Оскара Блэка, полиция, надеясь выйти на инициаторов преступления, решила представить в роли киллера своего агента. Хотя эта операция и сорвалась, тот же самый посредник через несколько месяцев вновь попытался найти заказного убийцу. Полиция снова прибегла к методу “подставного киллера”, на этот раз уже не связываясь со средствами массовой информации. В конце концов, арестовали двоих, хотя под суд попал лишь один. Это был скотопромышленник из штата Миссисипи Джон Хадсон, потерявший из-за банкротства Блэка четыреста тысяч долларов. Ему дали десять лет за организацию убийства и еще семь лет тюрьмы за месть свидетелю (Блэку). Вторым был тот самый “Пит” — им оказался безработный мясник Джон Дэй, которому предъявили обвинение в получении от Хадсона пятнадцати тысяч долларов для найма киллера. Впоследствии обвинение против Дэя было аннулировано, поскольку прокуратура не смогла подкрепить его свидетельскими показаниями.⁵⁴

Когда вся эта история оказалась достоянием гласности, многие американские редакторы сочли, что телестанция и газета “Хеттисберг Америкэн” должны были сразу пригрозить полиции разоблачением ее планов, поскольку власти, объявив об уже подготовленной инсценировке убийства, с самого начала поставили прессу перед свершившимся фактом. Согласно этой точке зрения, и газета, и телестанция с самого начала обязаны были отвергнуть просьбу властей, поскольку исполнение этой просьбы грозило им потерей профессиональной репутации. В соответствии с такой логикой, полиция, получив отказ прессы, изобрела бы другой способ поимки предполагаемых преступников, как и было сделано позже.

Сазерленд, в то время не только редактор “Хеттисберг Америкэн”, но и президент Общества профессиональных журналистов-Сигма Дельта Хи, сперва хотел рассказать в своей газете о полицейской инсценировке, однако переду-

мал, поскольку это сорвало бы всю операцию. По его словам, газета практически не имела никаких сведений об этом деле, и было трудно предположить, к каким последствиям может привести раскрытие замысла полиции и прокуратуры. Позднее Сазерленд признавался, что остался недоволен и собственной ролью во всей этой истории. Он возражал даже против сообщения в одну фразу, приведенного выше, которое все же появилось в “Хеттисберг Америкэн”. “Мне не хотелось публиковать это тогда, и снова не хочется в сходных обстоятельствах”, — отмечал Сазерленд.

Возвратившись с беседы в доме федерального прокурора, Сазерленд тут же сообщил о ней Мак-Каллистеру, который и определил позицию газеты. Директор телестанции Браун решил по-другому, причем оба они друг с другом никак не консультировались. Правда, во время беседы в прокурорском доме Браун спросил у Сазерленда, что думает Общество профессиональных журналистов о подобных ситуациях, на что тот ответил, что принятый Обществом кодекс профессиональной этики требует от журналистов публиковать только правдивые сообщения. Однако Сазерленд тут же добавил: “Клифф, вряд ли нам стоит обсуждать это дело. Какое бы решение вы ни приняли, я должен действовать совершенно независимо”, с чем Браун полностью согласился.

Этот непростой казус показывает, насколько американским журналистам бывает трудно решить, следует ли помогать тем самым властям, за деятельностью которых обязаны наблюдать средства массовой информации. Как могут журналисты одновременно и сотрудничать с чиновниками, и выступать в качестве независимых комментаторов и критиков их работы?

Журналисты в роли сторожевых псов. Американские журналисты верят, что пресса обязана детально информировать граждан о работе правительства, чтобы предоста-

вить им возможность сознательно участвовать в деятельности демократической системы. Питер Брэстрап называет эту веру “публичной теологией” американской прессы.⁵⁵ Новости о работе властей всех уровней — едва ли не основной товар американской журналистики, и редакторы уделяют им огромное внимание — идет ли речь о сообщениях из Белого Дома или о репортажах с сессии местного суда.

Этот благородный образ журналиста, защищающего граждан от злоупотреблений правительства, укоренен в Первой поправке к Конституции. Во всяком случае, так говорят многие журналисты, подчеркивая, что без свободной прессы не может быть ни демократического правительства, ни компетентного электората.

“Как учит история нашей страны,... уникальность американского демократического эксперимента в значительной степени создана независимостью наших газет от правительства и прочих институтов власти”, — пишет редактор “Чикаго Трибюн” Джеймс Сквайрс. “Именно эта независимость позволяет прессе выступать в качестве форума, на котором разворачиваются политические дебаты”. По мнению Сквайрса, свобода печати важнее всего именно при освещении работы государственных органов.⁵⁶

Конечно, разные журналисты в разное время неодинаково интерпретировали эту “сторожевую” функцию прессы. Некоторые журналисты считают себя не только представителями, но и защитниками народа и, особенно, обездоленных, и потому не упускают лишней возможности разоблачить любые проступки или ошибки властей. Других журналистов можно скорее сравнить с комнатными собачками, “чересчур почитающими и слишком боящимися власть имущих”, если использовать характеристику Леса Пейна из газеты “Ньюсдэй”.⁵⁷ Журналисты выказывали особую ретивость при возможности куснуть власти во времена Уотергейта и нередко поджимали хвосты в годы президентства Рейгана.

Журналисты надзирают и за другими столпами американской жизни, такими как бизнес, спорт и индустрия развлечений, но традиционно, все же главный объект — органы власти всех уровней, от местных до центральной. Эту установку Сквайрс объясняет тем, что именно государство способно реально ограничить свободы и экономические права граждан. “Власти всегда действуют на деньги налогоплательщиков... Думаю, что мы имеем куда меньше права лезть в частные дела кинозвезд, чем в дела мэров и городских советников”.

Как правило, правительственным чиновникам эта самопровозглашенная обязанность прессы нравится куда меньше. Власти нередко предпочитают вести дела за закрытыми дверями или избирательно сотрудничать с некоторыми представителями прессы, предоставляя только им сведения об отдельных проектах или операциях. И то, и другое ставит под угрозу роль журналистов как “сторожевых псов” общества, наблюдающих от его имени за работой властей...

СОТРУДНИЧЕСТВО С ВЛАСТЯМИ И СЕКРЕТНОСТЬ

Сегодня американские журналисты уже больше “не играют в одной команде” с правительством. Говорят, что это выражение впервые употребил адмирал Фелт в разговоре с Малкольмом Брауни, корреспондентом Ассошиэйтед Пресс, в начале шестидесятых годов освещавшим войну во Вьетнаме. “Итак, Брауни”, — якобы сказал при первой встрече Фелт, — почему же вы не в одной команде с нами?”. В этих словах проявилось адмиральское недовольство Брауни и другими журналистами, которые как раз тогда начали отступать от официальной линии, сообщая о боевых действиях. Это было полным нарушением традиций американской журналистики времен Первой и Второй мировых войн и войны в Корее — тогда военные коррес-

понденты публиковали лишь патриотические и героические репортажи, поднимавшие, как считалось, дух общества и армии. Во времена холодной войны, особенно в ее начале, некоторые журналисты не находили ничего плохого в сотрудничестве с ЦРУ, которое с готовностью использовало их знание других стран и зарубежные связи. Однако роман между разведкой и деятелями прессы длился недолго — ему положило конец общее изменение отношений между американскими средствами массовой информации и правительством.

Со времен Второй мировой войны в Соединенных Штатах начался быстрый рост государственных институтов, сопровождавшийся расширением сферы их деятельности. Именно тогда высшие власти осознали важность эффективного общения с избирателями. Еще раньше пришли к этому же выводу лидеры американского бизнеса, обратившиеся к услугам новой когорты профессионалов, занимающихся воздействием на общественное мнение и связями с широкой публикой. Вскоре государственные власти пошли по тому же пути, нанимая десятки, потом сотни, и, наконец, тысячи таких специалистов. Сегодня ни одна солидная фирма и ни одно крупное государственное учреждение не мыслят без них своей работы.

С помощью таких специалистов власти лучше систематизировали и компоновали информацию, так что американская пресса стала уделять правительственным сообщениям большее внимание. Кроме того, власти и сами начали активнее общаться с публикой, не прибегая к услугам неправительственных каналов коммуникаций. Постепенно правительство осознало, что публику отнюдь не обязательно информировать обо всем и что лучше публиковать сообщения, улучшающие имидж власти. Манипулирование информацией в какой-то степени стало инструментом государственной политики. Подчас власти не гнушались и прямой ложью, как произошло в 1960 г., когда администрация

заявила, что высотный самолет-разведчик У-2 не пролетал над советской территорией со шпионскими целями, а власти СССР предъявили пилота этого самолета, который сознался, что выполнял именно такое задание. Двумя годами позже представитель министра обороны по связям с прессой Артур Сильвестр без обиняков заявил журналистам: "Я считаю, что правительство имеет безусловное право лгать, чтобы спасти страну от ядерной катастрофы".⁵⁸

Это уже было нечто новое. Действительно, во время Второй мировой войны пресса в интересах государства подчас скрывала новости от широкой публики. Однако позволить властям самим манипулировать информацией и даже лгать, чтобы сохранить определенные сведения в секрете от прессы — для большинства журналистов это уже было чересчур. Поэтому когда началась война во Вьетнаме, репортеры не только стали задавать военным все более жесткие вопросы, но и начали самостоятельно добывать информацию. Гаррисон Солсбери из "Нью-Йорк Таймс" даже отправился в Ханой и передавал оттуда сообщения, противоречившие заявлениям Пентагона, что американская авиация в Северном Вьетнаме бомбит лишь военные объекты. Нарастающая критика войны во Вьетнаме в американских средствах массовой информации стимулировала недовольство американцев действиями властей, которое в конечном счете и вынудило администрацию пойти на прекращение конфликта, так и не добившись победы.

В дальнейшем пресса давала властям еще меньше спуска. Ее бескомпромиссность, к примеру, проявилась в публикации начала семидесятых годов в "Нью-Йорк Таймс" и других газетах документов Пентагона, а затем в "Вашингтон Пост" Уотергейтского дела, что привело к отставке сначала вице-президента Spiro Agnew, а потом и самого президента Ри-чарда Никсона. По мнению ряда ведущих журналистов, после Уотергейта пресса несколько умерила пыл и уже не нападает на правительство с прежней

агрессивностью, но как бы то ни было, средства массовой информации в любом случае больше не играют в правительственной команде.

"Ты мне — я тебе"... Хотя отношения между прессой и властями стали менее дружескими, все же обе стороны отнюдь не отказались от выгод сотрудничества. По традиции, государственные учреждения всех уровней предоставляют журналистам помещения, средства связи, пропуска и прочие услуги. Это правда, что официальные представители различных учреждений по связям с прессой не всегда стопроцентно правдивы, но они все же снабжают репортеров тоннами информации и помогают им связываться с нужными государственными чиновниками.

Редактор "Сент-Питерсбург Таймс" Эндрю Барнс абсолютно уверен, что пресса не должна работать по заказу правительства, а наоборот, быть независимой от него, однако он признает необходимость их сотрудничества. Он отмечает, например, что гражданская оборона на побережье Флориды должна информировать население об опасности урагана, и власти распространяют такие предупреждения через средства массовой информации. Другой пример продуктивного сотрудничества этого рода — сообщения прессы о всяких публичных мероприятиях, проводимых муниципальной администрацией. "Мы сотрудничаем, чтобы ознакомить граждан с действиями избранных и назначенных руководителей", — утверждает Барнс⁵⁹ (впрочем, он подозревает, что многие официальные лица с ним в этом не согласятся).

Журналисты интенсивно сотрудничают с властями во время выборов, стремясь как можно скорее сообщить публике результаты голосования. Иногда прессу даже критикуют за то, что эти результаты публикуются чересчур быстро, еще до окончания голосования. Такой критики прежде всего заслуживает телевидение, которое очень лю-

бит проводить экспресс-опросы избирателей, прогнозируя на их основе исход выборов. По мнению многих политиков, такие прогнозы могут влиять на исход голосования и потому фактически оказываются давлением на электорат. Например, избиратель, узнавший, что “его” кандидат сильно опережает конкурентов или, напротив, отстает от них, может и вовсе не придти на избирательный участок, решив, что его голос все равно ничего не изменит. В ряде штатов уже приняты законы, запрещающие репортерам интервьюировать только что проголосовавших избирателей возле избирательных участков. Однако такие интервью вряд ли можно считать нарушением журналистской этики — ведь собирается важная информация, позволяющая оценить распределение мнений граждан. Что действительно необходимо прекратить — это телевизионные экспресс-прогнозы, выпускаемые в эфир до объявления итогов голосования.

Сотрудничество между властями и журналистами не обходится без проблем. Они могут возникать, например, когда официальные лица, кандидаты на выборные должности и другие возможные источники информации обращаются к журналистам за советом и помощью. Если эти люди занимают важные посты или пользуются большим влиянием, то их просьбы льстят журналистам, и их подчас трудно отклонить. В итоге между журналистом и политиком может возникнуть дружба, вызывающая явный конфликт интересов. Именно это случилось с известным теле- и газетным комментатором Джорджем Виллом. Он принадлежит к новому поколению обозревателей, пришедших на свои места не с репортерской работы, а из политики. Сам Вилл в свое время работал в аппарате одного из сенаторов. Точно также обозреватель “Нью-Йорк Таймс” Уильям Сэфайр был спичрайтером у президента Никсона. Обозреватель Джоди Пауэлл был пресс-секретарем Белого Дома при президенте Картере, а Билл Мойерс из службы

новостей телеконцерна Си-Би-Эс занимал такую же должность в администрации Джонсона.

Вилл, человек отнюдь не либеральных взглядов, всегда имел немало друзей среди консервативных политиков, включая и Рональда Рейгана. В 1980 г., во время своей первой президентской избирательной кампании Рейган просил Вилла о помощи в подготовке теледебатов с тогдашним хозяином Белого Дома Картером. Позднее Вилл и в газетных статьях, и в телекомментариях превозносил до небес успех Рейгана в этих дискуссиях, никак не намекая на собственное участие. Его роль открылась лишь три года спустя, когда один из подкомитетов Палаты Представителей занялся расследованием использования Рейганом конспектов президента Картера, составленных для его подготовки к дебатам. Вилл оправдывал свою помощь Рейгану, утверждая, что политические комментаторы имеют право на особые отношения с политиками, отличающиеся от тех, что могут себе позволить новостные репортеры. Однако многие журналисты отказались встать на подобную точку зрения. Их мнение хорошо выразила обозреватель “Вашингтон Пост” Мэри Мак-Грори, отметившая, что Вилл фактически поставил себя над профессиональными правилами журналистов и нормами их поведения и тем самым проявил неуважение к собратьям по профессии. Нью-йоркская газета “Дейли Ньюс” аннулировала у себя колонку Вилла за допущенное им “нарушение журналистской этики”. Правда, на эту колонку были абонированы еще четыре сотни газет, ни одна из которых не последовала примеру “Дейли Ньюс”. Все же позднее Вилл писал, что никогда уже “не подойдет ни к одной политической кампании” так же близко, как в 1980 г.⁶⁰

В принципе, у Вилла был (или мог быть) собственный резон отделить простых репортеров от комментаторов-аналитиков. Но что же делать с теми новостниками, которые все чаще уходят в государственные структуры, а потом воз-

вращаются в средства массовой информации? Представляют ли они большую угрозу репутации прессы, радио и телевидения, чем элитные “колумнисты” типа Джорджа Вилла?

Взять, например, карьеру Лесли Гелба из “Нью-Йорк Таймс”. Во время войны во Вьетнаме он возглавлял Группу политического планирования Министерства обороны, затем работал в аппарате сенатора Джейкоба Джэвитса, откуда и пришел в “Нью-Йорк Таймс”. Через несколько лет он ушел из газеты на должность директора Бюро военно-политических проблем Государственного Департамента, где проработал с 1977 по 1979 год. В 1981 г. он вернулся в газету на должность корреспондента по проблемам национальной безопасности. Кое-кто ехидно называет таких журналистов “челноками”.

Когда Гелб в 1985 г. опубликовал статью с описанием чрезвычайных планов Министерства обороны разместить ядерные мины в ряде стран, не обладающих ядерным оружием, генерал-лейтенант Джон Чейн, директор ранее возглавляемого Гейблом отдела в Государственном департаменте, запретил подчиненным общаться с бывшим начальником и приказал снять со стены его портрет. Чейн заявил, что Гелб пользовался секретной информацией, публикация которой нанесла ущерб национальным интересам Соединенных Штатов. Позднее государственный секретарь Джордж Шульц признал, что многое из того, о чем писал Гелб, уже публиковалось и раньше и даже обсуждалось в странах, о которых упоминал Гелб. Тем не менее, Шульц тоже настаивал, что своей статьей Гелб нанес заметный ущерб американским интересам. Шульц отметил, что Гелб раньше занимал весьма ответственный пост в правительстве, и это придало его статье особый вес. Госсекретарь подчеркнул, что, по его мнению, человек в прошлом занимавший высокую должность в правительстве, в определенном смысле никогда не может расстаться с ней, по-

скольку постоянно сохраняет ответственность перед своим прежним местом службы. Редакторы “Нью-Йорк Таймс” встали на сторону Гелба, утверждая, что перед публикацией он консультировался с сотрудниками Белого Дома и Государственного Департамента. После того редактор-администратор газеты Сеймур Топпинг заявил, что “Гелб выполнял свои обязанности корреспондента с полным осознанием журналистской ответственности, никак не используя закрытую информацию, которую он мог получить на прежней работе”.⁶¹

Заместитель главного редактора газеты “Филадельфия Инквайрер” Стив Лавледи заявил, что вообще не захотел прочесть статью Гелба, поскольку не был уверен, выступает ли тот в качестве корреспондента “Нью-Йорк Таймс” или в качестве бывшего высокопоставленного сотрудника государственного Департамента. Он отметил, что опасается “журналистов-челноков”, поскольку не исключено, что они, став сотрудниками прессы, продолжают ту же политику, что они проводили на государственной службе.⁶²

Гелб — лишь один из многих “журналистов-челноков” наших дней. Диана Сойер из Си-Би-Эс была помощником пресс-секретаря Никсона, а бывший редактор “Крисчен Сайенс Монитор” Джон Хьюз в 1981-1984 гг. работал в Информационном Агентстве Соединенных Штатов и в Государственном Департаменте, откуда затем вновь вернулся в прессу. Комментатор Эн-Би-Си Джон Чанселор одно время возглавлял “Голос Америки”. Этот список при желании легко продолжить...

Хуже всего, если журналисты, приставленные к различным правительственным ведомствам, устают играть роль “сторожевых псов” и сменяют бдительность на благодушие. Именно это признали некоторые репортеры, освещавшие космическую программу, после взрыва корабля “Челленджер” в 1986 г. Боб Дроджин из “Лос-Анджелес Таймс” сказал, что пресса относилась к НАСА, как к “священной

корове” и не информировала публику о многочисленных технических неполадках, расточительстве и откровенном жульни-честве. Брюс Холл из службы новостей Си-Би-Эс заявил, что специалистам НАСА уже с 1979 г. были известны слабые места бустерных ракет, используемых для старта “Шаттла”, и что опасность катастрофы была вполне реальной и для двадцати четырех предшествующих запусков. Однако эти полеты оказались успешными, и руководство НАСА впало в самоуспокоение, которое передалось репортерам, знавшим о технических сложностях, приведших к аварии “Челленджера”. Оливия Талли из газеты “Хьюстон Пост”, специализирующаяся на освещении космических исследований, сообщила, что в начале восьмидесятых годов пресса нелицеприятно писала о работе НАСА, но потом после ряда эффектных полетов фактически устранилась от критики. По ее словам, пресса поверила заявлениям НАСА о том, что все хорошо сейчас, и в дальнейшем будет продолжаться так же. По мнению Оливии Талли, репортеры несут свою долю ответственности за поверхностное освещение работы НАСА, хотя нельзя не признать, что и редакторы, и широкая публика начали постепенно терять интерес к техническим деталям космических полетов.⁶³

Сотрудничество с полицией. Иногда полиция усиленно пытается побудить журналистов к сотрудничеству в борьбе с преступностью. Здесь возникает очевидная этическая проблема — насколько далеко могут зайти журналисты в таком сотрудничестве, не нанося ущерба авторитету и независимости средств массовой информации?

По-видимому, многие журналисты считают, что умеренное сотрудничество вполне безвредно, но в то же время они не хотят быть просто помощниками правоохранительных органов и широко обсуждают пределы допустимого сотрудничества.

По мнению одного из руководителей газеты “Лос-Анджелес Таймс” Уильяма Томаса, журналист при контактах с полицией ни в коем случае не должен поступаться своей независимостью. Его собственная газета в свое время отказалась выполнить просьбу властей, желавших, чтобы репортеры дали официальные показания о студенческих волнениях конца шестидесятых-начала семидесятых годов и передали полиции имеющиеся у них фотографии этих выступлений. Томас отметил, что *такое* сотрудничество с правоохранительными органами способно лишь подорвать общественную функцию печати. Но тот же Томас считает, что ничто не удерживает журналиста от дачи показаний, если тот случайно оказался свидетелем уличного преступления. Когда Томас возглавлял отдел местных новостей, он нередко обменивался информацией с властями. По его словам, “если такие вещи делаются без шума, они приносят пользу обеим сторонам”.⁶⁴

А вот мнение Роберта Грина, заместителя редактора газеты “Ньюс Дэй”: “По правилам, полицейские обязаны сообщать репортеру только основные сведения о преступлении, не вдаваясь в подробности. Но обычно они вполне добровольно куда щедрее делятся информацией. В конце концов, оказывается, что репортеры и полицейские одновременно пытаются распутать одно и то же дело и обмениваются информацией к обоюдной выгоде”.⁶⁵

Грин отмечает, что абсолютное большинство известных ему журналистов при определенных обстоятельствах сотрудничают с государственными ведомствами — сенатскими комитетами, окружными прокуратурами, отделениями полиции. Грин уверен, что журналисты не вправе изолировать себя от общества. По его словам, отказ репортера дать показания об увиденном преступлении равносителен претензии на то, что он стоит выше обычных граждан. В свое время “Чикаго Сан-Таймс”, чтобы разоблачить вымогательства городских инспекторов, тайно купила пивную, где под видом

барменов работали репортеры, ежедневно информировавшие об увиденном полицию штата. Как сообщил автору тогдашний редактор газеты Ральф Отвелл, репортеры скрупулезно отмечали все случаи, когда инспекторы требовали взяток.⁶⁶ Руководитель этой группы журналистов Памела Зекман рассказала, что власти обещали не производить арестов до окончания журналистского расследования, чтобы не спугнуть взяточников.⁶⁷ Полиция начала аресты лишь по завершении этой операции, но до того, как газета рассказала о ней читателям. Отвелл подчеркнул, что не пошел бы на сотрудничество с властями, если бы речь не шла о раскрытии действительных преступлений, объяснив это тем, что газета не могла позволить себе выглядеть служанкой полиции.

Фотокорреспондент поттстаунской газеты “Меркьюри” Том Келли тоже не считает, что пресса должна превращаться в одну из служб охраны правопорядка, однако он с готовностью и всегда по первому требованию предоставлял свои фотографии автомобильных аварий полиции. Он даже признал, что специально делал снимки для архивов полиции по ее просьбе. “Это же пустяки, — говорит Келли. — С ребятами из полиции нужно дружить, ведь и они делятся информацией с нами.”⁶⁸

Джеймс Данлеп, редактор газеты “Геральд” в штате Пенсильвания одобряет сотрудничество с полицией, если оно во благо защите законности. “Как и любой гражданин, я хочу ареста преступников, — говорит Данлеп, — поэтому я готов помочь полиции, не дожидаясь официальной повестки.”⁶⁹ Так же думает и бывший редактор нью-йоркской “Дэйли Ньюс” Майкл О’Нейл. “Если у вас есть фотография, — говорит он, — которая может помочь раскрыть убийство, и если вы по каким-либо причинам не публикуете ее сами, то почему бы не предоставить ее детективам? В конце концов, мы ведь тоже граждане”.⁷⁰

Другого мнения придерживается Уильям Смолл, быв-

ший руководитель ЮПИ и службы новостей Эн-Би-Си. Он против передачи полиции неопубликованных фотографий и нев्यпущенных в эфир видеозаписей. Однако и Смолл признает, что в некоторых случаях сотрудничество необходимо. Когда Джон Хинкли совершил покушение на президента Рейгана, ФБР захотело узнать, не мелькнул ли Хинкли в документальных репортажах Эн-Би-Си с предвыборных митингов Картера и Рейгана. Отдел новостей Эн-Би-Си разыскал нужные видеозаписи, но вместо того, чтобы передать их ФБР, выпустил в эфир.⁷¹

Продюсер службы новостей Си-Би-ЭС Брайан Хили никогда бы не согласился работать на ЦРУ, как в былые дни делали некоторые американские корреспонденты за рубежом. Однако Хили признает, что освещая иранские события, он “сотрудничал с одним парнем, зная, что тот служит в разведке”. Хили, несколько лет проработавший в лондонском бюро Си-Би-Эс, считает, что многие американские журналисты, аккредитованные в Иране, постоянно делились информацией с посольством и другими правительственными службами, получая в обмен полезные сведения. Хили сам сказал автору книги, что если бы в свое время компетентные органы спросили его о местах, где ему приходилось бывать, он согласился бы ответить.⁷²

За закрытыми дверями. Сиссела Бок пишет: “Любая власть хочет кое-что скрыть, а любая публика хочет побольше узнать. Даже руководители, не склонные поначалу увлекаться секретностью, нередко уступают давлению связанных с ней требований. Сколько было лидеров, занимавших свои должности с твердым намерением добиваться большей открытости в работе правительства, а потом введших еще более жесткие правила для хранения секретных документов и предотвращения утечки информации”.⁷³

Безудержное стремление сохранить тайну подталкивает многих официальных лиц, честных и открытых людей во

всех прочих отношениях, к умолчанию, полуправде и даже прямой лжи. Как правило, они оправдывают подобные действия интересами национальной безопасности. Иногда такие аргументы абсолютно оправданы, но, как учит новейшая история, наши лидеры не раз злоупотребляли ими, чтобы скрыть от общества свои грубейшие ошибки, некомпетентность в делах и не слишком достойные планы.

Американские журналисты ежедневно убеждаются на собственном опыте, что власти постоянно что-то не договаривают. Когда репортерам удается пробиться через завесу государственной секретности (как это удалось сделать Бобу Вудварду и Карлу Бернстайну, разоблачившим уотергейтское дело), им приходится решать, не навредит ли публикация добытых результатов национальным интересам. В общем, журналисты всегда склонны опубликовать правительственные секреты, если их уж удалось раздобыть, видя в этом свой профессиональный долг, оправданный Первой поправкой к Конституции. Однако те же журналисты нередко отказываются от публикации, если считают ее опасной. Именно так произошло в 1979 г., когда иранские боевики атаковали американское посольство в Тегеране и захватили десятки заложников. Шести сотрудникам посольства удалось скрыться и найти убежище в посольстве Канады. Об этом знали американские корреспонденты, однако они хранили эти сведения в секрете от публики до тех пор, пока канадцам не удалось вывезти всех шестерых американцев из Ирана.

Один из способов, которыми журналисты добывают закрытые сведения, — утечка информации, имеющая место, когда одни чиновники втихомолку сообщают то, о чем другие по тем или иным причинам предпочитают умалчивать. Бывший главный редактор газеты "Вашингтон Пост" Ховард Саймонс говорит, что вашингтонским журналистам просто невозможно исполнять свои обязанности, "не проникая в чужие тайны". По его словам, около четырех миллио-

нов чиновников имеют доступ к засекреченной информации, а число закрытых правительственных документов ежегодно увеличивается на двадцать миллионов. "Хотел бы я знать, как посвященные в секретные дела ухитряются помнить, что именно засекречено, а что нет", — говорит Саймонс. Он вспоминает встречу юристов своей газеты с заместителем директора Управления по национальной безопасности. Администрация в это время пыталась с помощью суда предотвратить публикацию в "Вашингтон Пост" документов Пентагона, так что беседа происходила в кабинете федерального судьи и в его присутствии. Заместитель директора принес в чемоданчике с двойным замком совершенно секретный документ, запечатанный в несколько конвертов, вложенных один в другой. Он заявил, что этот документ был среди пентагоновских бумаг, которые газета хотела обнародовать, и что эта публикация угрожает жизням американцев во Вьетнаме. Когда судья потребовал показать документ, чиновник предъявил запись перехваченной передачи ханойского радио с обращением к северовьетнамским вооруженным силам. Он объяснил, что если этот текст окажется достоянием гласности, противник поймет, что его передачи перехватывают, и прекратит их, в итоге чего американцы лишатся ценного источника информации. К счастью для "Вашингтон Пост", на встрече присутствовал ее корреспондент при Пентагоне Джордж Уилсон, припомнивший, что этот же самый перехват уже цитировался на открытых слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам. Более того, у Уилсона был с собой официальный протокол этих слушаний. По словам Саймонса, именно это и решило дело в пользу газеты.⁷⁴

Конечно, властям так и не удалось заставить "Вашингтон Пост", "Нью-Йорк Таймс" и другие газеты отказаться от публикации пентагоновских материалов с детальной информацией о том, как начиналась и велась война во Вьетнаме. По мнению Сиссели Бок, эти документы с самого

начала нельзя было засекречивать, поскольку и американский народ, оплативший эту войну, и ее жертвы в других странах имели полное право знать, чем она была вызвана, и сокрытие этих сведений являлось злоупотреблением секретностью.⁷⁵

Подобно тому, как никсоновская администрация пыталась скрыть правду о войне в Индокитае, администрация Рейгана усиленно старалась убедить общество, что пресса должна рассматривать выполнение требований правительства о сокрытии определенной информации как свой патриотический долг и юридическую обязанность. Главным оружием рейгановской администрации стала Восемнадцатая статья Семьсот девяносто восьмого раздела федерального кодекса, принятая еще в 1950 г, но редко применявшаяся на практике. Она запрещает публикацию сведений о криптологических шифрах и кодах, коммуникационной технике разведслужб, деятельности электронной разведки и перехвате сообщений иностранных правительств. Уильям Кейси, занимавший при Рейгане должность директора ЦРУ, угрожал использовать Восемнадцатую статью против средств массовой информации, публиковавших сведения, которые власти считали секретными.

Такими санкциями Кейси грозил газете “Вашингтон Пост”, когда ее редакция пыталась убедить его, как и ряд других высших должностных лиц, высказаться по поводу еще не опубликованной корреспонденции о секретных разведывательных операциях с применением американских подводных лодок. После встречи с Кейси и телефонной беседы с самим президентом Рейганом руководство “Вашингтон Пост” все же исключило из окончательного текста дватри абзаца. Кейси угрожал также возбудить дело (на основании все той же Восемнадцатой статьи) против телекорпорации Эн-Би-Си за передачу в эфир программы об акустической разведке с субмарин. Наконец, он обвинил несколько газет и журналов в том, что они нарушили Восем-

надцатую статью, опубликовав материалы о перехвате секретных сообщений правительства Ливии — иск был предъявлен газетам “Вашингтон Пост”, “Вашингтон Таймс”, “Нью-Йорк Таймс” и еженедельникам “Тайм” и “Ньюсуик”.⁷⁶

Ко времени написания этой книги ни один орган массовой информации не подвергался судебному преследованию по Восемнадцатой статье, которая после принятия Конгрессом вообще еще ни разу не использовалась в судебной практике. Однако, по мнению журнала “Коламбия Джорнализм Ревью”, Кейси все же достиг намеченной цели, поскольку, пригрозив редакторов судебными санкциями, заставил их прибегнуть к самоцензуре. Согласно журналу, “инициатива Кейси представляет из себя куда более тонкую и опасную угрозу и так уже сомнительной независимости прессы, чем прямые нападки никсоновской эры”.⁷⁷

Когда в печати и на телевидении появляются материалы, основанные на сведениях, которые правительство хотело бы скрыть от широкой публики, можно держать пари, что где-то произошла утечка информации. Власти всячески пытаются предотвратить нежелательные утечки (подчас прибегая даже к прослушиванию телефонов журналистов), но в то же время сами они иногда организуют такие утечки в собственных политических целях. Джим Андерсон, корреспондент ЮПИ, аккредитованный при Государственном Департаменте, писал: “Хотя практика целенаправленных утечек информации восходит к Франклину Рузвельту, администрация Рейгана превратила их в своего рода искусство. С помощью хорошо аранжированных утечек в средствах массовой информации возник образ Рейгана — принципиального и чистосердечного руководителя государства, почти всеведущего и всемогущего”.⁷⁸

Журналистов возмутило, когда рейгановская администрация попала с поличным, пытаясь организовать утечку в печать ложной информации, чтобы припугнуть ливийского диктатора Муамара Каддафи. В 1986 г. “Вашинг-

тон Пост” опубликовала меморандум советника Рейгана по национальной безопасности вице-адмирала Джона Пойндекстера, в котором было описано то, что сам Пойндекстер назвал “программой дезинформации”. Замысел заключался в том, чтобы организовать утечку в печать “подлинных и выдуманных фактов”, чтобы заставить Каддафи поверить, будто США готовит против него новую военную акцию. Еще до разоблачений в “Вашингтон Пост” в печать уже успела просочиться по крайней мере одна такая история о новой террористической операции, якобы подготавливаемой Ливией. Хотя президент Рейган и его пресс-секретарь отрицали причастность Белого Дома к любой кампании дезинформации, госсекретарь Шульц фактически подтвердил, что таковая имела место, признав допустимость распространения ложных сведений, если они могут ослабить позиции ливийского лидера. Еще одно подтверждение пришло через несколько дней после заявления Шульца, когда один из его помощников Бернард Калб, в прошлом тележурналист с большим стажем, подал в отставку в знак протеста против “программы дезинформации, о которой сообщалось в печати”.

Абрахам Розенталь, который тогда руководил газетой “Нью-Йорк Таймс”, выразил возмущение журналистского корпуса этой малосимпатичной историей, написав, что “такие мерзости мы могли бы оставить русским”.⁷⁹

Журналисты, и так уже доведенные до белого каления действиями Белого Дома, вскоре раскрыли операцию по незаконной продаже оружия Ирану с передачей вырученных средств никарагуанским “контрас”, вошедшую в историю под именем “Ирангейта”. Поначалу никто не мог сказать, насколько в ней был замешан лично глава администрации. Однако этот скандал сильно повредил репутации Рейгана и внутри страны, и за рубежом. Рейган и его сторонники вели себя по образу и подобию Никсона после Уотергейта, обвиняя (возможно, с несколько большим успехом)

средства массовой информации в дискредитации правительства.

В раскрытии Ирангейта немалую роль играли анонимные утечки информации из правительственных кругов. Каковы были мотивы их инициаторов?

Стивен Гесс, специализирующийся на взаимоотношениях между прессой и властями, выделил шесть возможных причин, по которым чиновники передают репортерам не предназначенные к публикации сведения. Во-первых, это тщеславие информатора; во-вторых, желание установить хорошие отношения с корреспондентом; в-третьих, административно-бюрократическая игра (например, с помощью приуроченных к подходящему моменту утечек можно угробить один проект и подтолкнуть другой); в-четвертых, стремление кому-то напакостить; в-пятых, запуск пробного шара для проверки реакции общественного мнения, и, наконец, в-шестых — попытка исправить ошибочную или вредоносную (по мнению источника информации) политику.⁸⁰

Последний мотив в принципе самый благородный, но “информаторы-идеалисты” чаще всего и страдают из-за своих действий. Обозреватель “Чикаго Трибюн” Майк Ройко с горечью отмечает, что в свое время в НАСА не нашлось ни одного сотрудника, который сообщил бы прессе сведения, способные предотвратить аварию “Челленджера”:

“Организационные структуры в конце концов состоят из людей, иногда чрезвычайно одаренных, влиятельных и знаменитых, но все же только людей. Никогда нельзя гарантировать, что кто-то не совершит ошибки и при этом захочет свалить ответственность на другого.

Здесь-то и вступает в игру информатор-алармист, считающий, что структура не способна сама заметить собственные дефекты и исправить свои погрешности, и что общество должно узнать о ее слабостях и неудачах. Именно от таких источников в печать проникли сведения о расточительстве в Пентагоне и других государственных ве-

домствах, о ложных отчетах с полей войны во Вьетнаме, о всепроникающей коррупции, царящей повсюду — от местных судов до Конгресса”.⁸¹

Если журналист использует “просочившиеся” откуда-то сведения, перед ним встает непростая этическая проблема. Совсем не всегда можно точно понять мотивы информатора, который вовсе не обязательно хочет только поделиться правдой с широкой публикой. Нередко эти сведения неточны или попросту лживы, и в итоге в прессе появляются сообщения, которые не имеют ничего общего с действительностью; такие публикации чаще всего анонимны, а потому плохо поддаются проверке.

Тайные войны. Американским журналистам в высшей степени не понравилось, что им не разрешили сопроводить десант на Гренаду в октябре 1983 г. Впервые со времен Гражданской войны военные власти не допустили репортеров на боевые позиции. Эта военная акция все равно потеряла секретность, поскольку радиостанции и газеты стран Карибского бассейна предупреждали о ее подготовке. Когда 24 октября американские журналисты запросили об этом пресс-секретаря Белого Дома Ларри Спикса, тот, предварительно проконсультировавшись с одним из сотрудников Совета по национальной безопасности, назвал эти сообщения “смехотворными”. А уже на следующий день произошло вторжение на Гренаду.

Через несколько часов после пресс-конференции Рейгана более четырехсот американских репортеров вылетели на остров Барбадос, расположенный примерно в двухстах пятидесяти километрах к северо-востоку от Гренады. С Барбадоса на нанятых кораблях и самолетах некоторые репортеры попытались проникнуть на Гренаду, но это не удалось из-за блокады острова.

Через два дня после вторжения американские военные власти допустили на Гренаду пятнадцать журналистов, но

задержали им обратный вылет на Барбадос, и в результате все репортажи опоздали к вечерним теленовостям. Однако по каким-то причинам пленки, отснятые военными операторами, вышли в эфир вовремя. Это заставило газету “Вашингтон Пост” назвать вторжение на Гренаду “первой официальной войной в истории Соединенных Штатов, осуществленной, отснятой и обнародованной Пентагоном с разрешения президента”.

Военные допустили на остров еще одну группу репортеров на третий день после вторжения, а на пятый день остров был открыт для всех журналистов. К этому времени президент и Пентагон успели распространить немало дезинформации. Президент сначала заявил, что на острове присутствовал кубинский военный контингент, численностью от четырехсот до шестисот человек. Позднее адмирал Уэсли Макдональд еще больше нагнал страху, сообщив, что согласно захваченным документам, кубинцы послали на Гренаду, как минимум, тысячу сто профессиональных военных. После этого утверждение рейгановской администрации, что Куба готовилась оккупировать Гренаду, стали казаться вполне правдоподобными. Однако, как позднее заявил Государственный Департамент, на острове находилось всего 784 кубинца, причем военных было не более сотни. Эти сведения подкрепили официальное заявление Гаваны, что большинство кубинских граждан на Гренаде были строительными рабочими, принимавшими участие в возведении аэропорта.

Почему же Пентагон и Белый Дом пошли на такое нарушение традиций и лишили журналистов возможности описать высадку на Гренаду? Министерство обороны сначала заявило репортерам, что для успеха операции необходима секретность и что командование десанта не может рисковать безопасностью журналистов. Однако реальную причину, по-видимому, раскрыл государственный секретарь Джордж Шульц, заявивший, что журналисты слишком

часто выступают против действий администрации, “а кому это нужно, когда проводится военная операция”.⁸²

Практически все крупные средства массовой информации и журналистские общества осудили действия Пентагона, и, судя по всему, эти протесты вынудили военное командование допускать в будущем специально подобранные группы корреспондентов к освещению операций гренадского типа. Когда в 1986 г. американская авиация бомбила Ливию в ответ на терроризм, восемь американских корреспондентов допустили на борт авианосца “Америка”, откуда вылетели американские штурмовики.⁸³

Такая политика удовлетворила мало кого из журналистов, справедливо считающих, что их патриотизм и способность хранить государственные секреты не должны подвергаться сомнению. Американские репортеры в целом ничем себя не запятнали, освещая события Второй мировой, Корейской и Вьетнамской войн. Однако операции в Гренаде и Ливии все же отличались от только что перечисленных кампаний и, возможно, требовали допуска корреспондентов на особых условиях. И все же в первые дни высадки на Гренаду корреспондентов не следовало держать за сотни километров от острова. Американской публике необходимо независимое (пусть даже в чем-то ограниченное) освещение военных операций, поскольку именно оно позволяет понять и оценить цели и действия государственных руководителей.

ЕСТЬ И ПОЛЕЗНЫЕ КОДЕКСЫ

Практически все профессиональные кодексы журналистских ассоциаций провозглашают ответственность средств массовой информации за наблюдение над работой правительства и прочих институтов, чья деятельность небезразлична для общества. В кодексе Общества профессиональных журналистов говорится, что “необходимо за-

щищать свободу печати как неотъемлемое право граждан свободного общества, предполагающее полную возможность обсуждать и критиковать заявления и действия как правительства, так и всех прочих общественных и частных институтов”. По мнению составителей кодекса Ассоциации редакторов-администраторов агентства Ассошиэтед Пресс, “газета обязана выступать в качестве конструктивного критика всех сегментов общества. Она должна бескомпромиссно разоблачать любые злоупотребления властью и неправильные либо преступные действия как в общественной, так и в частной сфере... Нужно ставить право широкой публики на осведомленность превыше всего и поэтому решительно добиваться как можно более полного доступа к незащищенной информации о деятельности властей всех уровней”.

А вот что утверждает кодекс Американского общества газетных редакторов:

“Американская печать получила свободу не только для того, чтобы информировать или исполнять роль форума для общественных дискуссий, но также чтобы служить обществу независимым наблюдателем, неустанно следящим за всеми влиятельными силами, включая и органы власти всех уровней.

Свобода печати принадлежит народу, и ее нужно защищать от любых посягательств со стороны государственных или частных институтов.

Журналисты должны постоянно бороться, чтобы общественные дела вершились на глазах общества. Необходимо неустанно сопротивляться любым попыткам использовать печать в личных целях”.

Ассоциация директоров отделов новостей радио и телевидения считает важным добиваться открытого доступа к работе государственных организаций. Радио и телевидение все еще испытывают немало сложностей, пытаюсь проникнуть с камерами и микрофонами в общественные

офисы и на судебные заседания. Хотя сейчас положение дел быстро улучшается, все же газетные репортеры пользуются большим доступом на такие заседания, чем теле- и радиокорреспонденты. В профессиональном кодексе Ассоциации директоров отделов новостей радио и телевидения говорится, что в соответствии с интересами общест-венности сотрудники радио и телевидения должны всеми силами добиваться расширения доступа в государственные организации для широкого освещения их деятельности. В кодексе также подчеркивается, что при освещении судебных заседаний или любых вопросов, которые могут стать предметом судебного разбирательства, «теле- и радио-журналисты должны избегать любых действий, ставящих под угрозу право любой личности на беспристрастный и справедливый суд».

Правила телевизионных корпораций Эн-Би-Си, Си-Би-Эс и Эй-Би-Си, регулирующие освещение судебных процес-сов, куда более детальны, чем в кодексе Ассоциации дирек-торов отделов новостей радио и телевидения. В инструкци-ях Эн-Би-Си отмечается, что «приговоры должны осно-вываться только на фактах, установленных в ходе судебных заседаний. Отсюда вытекает, что если мы передадим информацию, которая не может быть заслушана в зале суда на законных основаниях, это может негативно сказаться на процессе судебного разбирательства». Чтобы избежать это-го, правила Эн-Би-Си дают следующие указания:

«При освещении преступлений и судебных разбира-тельств по уголовным делам необходимо помнить, что на результаты юридических процедур могут влиять подробные сообщения о таких предметах как наличие и содержание признательных показаний обвиняемых, их прошлая преступ-ная деятельность и сведения о личностях или потенциаль-ных показаниях свидетелей...

Однако бывают случаи, когда такую информацию не только можно, но и необходимо делать достоянием глас-

ности. К примеру, если пресса ведет расследование недо-стойного или преступного поведения государственных чи-новников, злоупотреблений правами человека, незаконных арестов и прочих искажений правосудия, необходимо разыскивать и публиковать все относящиеся к делу сведе-ния и факты».

Служба новостей Си-Би-Эс также предупреждает своих сотрудников о риске досудебного обнародования сведений по разбираемому делу, объясняя в то же время, в каких слу-чаях такие сообщения можно считать допустимыми:

«Средства массовой информации не имеют права укло-няться от роли независимого наблюдателя, особенно в си-туациях, связанных с отправлением правосудия. Сле-довательно, если это уместно с точки зрения общественных интересов, мы можем пользоваться любыми источниками для поиска нужных сведений и знакомить аудиторию с обнаруженными фактами, если таковые непосредственно относятся к делам правосудия или к неверным действиям либо бездействию официальных лиц. Самым ярким приме-ром этого был, конечно, Уотергейт. А вот менее известная и не столь драматическая история, происшедшая в Ве-тумпкте. Шериф вытащил молодого негра из машины и отправил в тюрьму, где тот позднее был найден мертвым, причем ни один из местных чиновников не попал за это под суд. По прошествии времени, когда стало ясно, что официальные власти не намерены заниматься этим делом, мы провели собственное расследование и опубликовали показания свидетеля и другие улики, демонстрирующие, что шериф и его помощники зверски избили юношу. В этом случае сведения, собранные нами, непосредственно относи-лись к виновности или к невиновности шерифа, однако мы выпустили их в эфир не раньше, чем убедились в преступ-ном бездействии местных властей. В таких случаях обна-родование информации вполне оправдано, и именно так мы и поступили. Так же необходимо вести себя и в том слу-

чае, если власти пытаются отправить в тюрьму заведомо невиновного человека.

Если совершено преступление, но по нему никто не привлечен к ответственности, мы вправе сами беседовать со свидетелями или передавать в эфир предоставленные полицией приметы подозреваемого, если тот в бегах. Наконец, мы не обязаны подвергать цензуре заявления полиции и других властей, еще до суда намекающие на чью-либо причастность к уголовному преступлению (а это запрещено правилами Американской ассоциации адвокатов), если уж мы считаем эти заявления достойными публикации. Например, телевидение выпустило в эфир начальника полиции Далласа, помахавшего прямо перед камерами какой-то винтовкой и заявившего, что это оружие Освальда и что тот, безусловно, виновен в убийстве Кеннеди. Точно так же средства массовой информации обнародовали мнение президента Никсона о виновности убийцы актрисы Шарон Тейт Мэнсона еще до вынесения тому судебного приговора.

Есть вещи, которые мы просто не вправе скрывать от публики. И Никсон, и шеф далласской полиции могли ошибаться в своих суждениях, но мы сами не были вправе разыгрывать Господа Бога и лишать публику, интересующуюся их мнениями, этих сведений “.

Отдел новостей Эй-Би-Си предписывает тележурналистам уважать право обвиняемых на честный и справедливый суд и не забывать об опасностях преждевременной публикации. Согласно его правилам, вся информация по делам о преступлениях должна тщательно изучаться, а решение о ее публикации должно приниматься в каждом конкретном случае заново и с учетом всех относящихся к делу обстоятельств. Это относится и к сведениям, исходящим от полиции или прокуратуры, но еще не представленным на судебном заседании. С другой стороны, если полиция проводит пресс-конференцию и предьявляет на ней какие-то свидетельства и улики, такие новости обычно идут в эфир. Если

это достижимо, стоит интервьюировать подозреваемых, предоставив тем возможность самим высказаться по существу предьявляемых им обвинений. Наконец, служба новостей Эй-Би-Си также настаивает на праве журналистов сообщать об ошибках, медлительности и некомпетентности властей, приводящих или могущих привести к искажению правосудия.

Сравним вышеперечисленные рабочие принципы с аналогичными правилами газеты “Вашингтон Пост”, которые утверждают, что при освещении преступности необходимо соблюдать максимальную точность и осторожность, уважать конституционные права обвиняемых и не навязывать аудитории преждевременные суждения об их виновности или невиновности. В частности, газета требует от своих журналистов “особой осторожности относительно следующих пунктов:

1. Ни в статьях, ни в заголовках ни в коем случае не следует допускать утверждений или намеков относительно юридической виновности задержанных или привлеченных к суду индивидуумов...

2. Любые высказывания задержанных или обвиняемых, сделанные в присутствии полицейских, прокуроров или журналистов, еще не могут считаться юридическим признанием в совершении инкриминируемых им преступлений. Поэтому нельзя употреблять термин “признание” ни в заголовках, ни в основных текстах, если только речь не идет о признательных показаниях подсудимых, сделанных в ходе судебного заседания. В прочих случаях журналисты, цитирующие слова обвиняемых, должны пользоваться выражениями типа “такой-то сообщил, утверждал, объяснил” и т.п. (при этом лучше не употреблять глаголы “допустил” и “признал”).

3. В репортажах из зала суда необходимо точно освещать все дискуссии и процедуры, в равной мере и непредубежденно информируя читателей о выступлениях обвинителей и защитников...

6. Обвиняемым в совершении противоправных действий необходимо разрешать отвечать на обвинения во всех возможных случаях.

7. Необходимо проявлять крайнюю осмотрительность в обнародовании данных о прошлых арестах или тюремных сроках обвиняемых, причем вся информация такого рода может идти в печать только с разрешения заведующего отделом. Необходимо избегать опасности давления на суд, публикуя подобные сведения непосредственно перед началом процесса.

8. Мы избегаем публиковать фотоматериалы, могущие восстановить судей и присяжных против обвиняемых...

10. В принципе, мы называем всех обвиняемых по фамилии, однако в обзорных и аналитических материалах, где отдельные криминальные дела используются как примеры общих тенденций, это правило можно и не соблюдать, особенно если у газеты нет намерений публиковать имена фигурантов по каким-то иным причинам"...⁸⁴

Что же касается правил, регулирующих сотрудничество журналистов с властями, то их содержит только профессиональный кодекс службы новостей телекомпании Эй-Би-Си. Составители кодекса подчеркивают, что они в принципе не одобряют "большинство форм сотрудничества с правительственными службами...", поскольку таковое может скомпрометировать гарантированную Первой поправкой свободу и независимость печати или, как минимум, создать впечатление такой компрометации. Далее в кодексе говорится, что в некоторых случаях сотрудничество все же возможно, например, если имеет место угроза человеческой жизни или национальной безопасности. "В подобных ситуациях необходимо найти баланс между гражданским долгом журналиста и профессиональными обязанностями", — говорится в кодексе. Однако далее подчеркивается, что не следует автоматически принимать на веру все апелляции к интересам национальной безопаснос-

ти, поскольку, как показывает история, в прошлом правительство этим злоупотребляло, чтобы скрыть заслуживающие публикации сведения. Эй-Би-Си также разрешает своим корреспондентам сопровождать полицейских во время рейдов против наркомафии и даже в секретных операциях. Единственное правило кодекса, прямо запрещающее журналистам сотрудничество с полицией, сформулировано так: "Корреспондент ни при каких обстоятельствах не должен действовать в своем профессиональном качестве, собирая сведения для полиции или любой другой государственной службы".

Если журналист по настоянию властей задерживает или скрывает ту или иную информацию, он, как минимум, отстает от требований к профессиональному долгу. Но все же бывают случаи, когда это можно оправдать особыми обстоятельствами, как, например, в уже упоминавшейся ситуации с американскими заложниками в Тегеране. В то же время журналистам абсолютно запрещено сознательно обманывать аудиторию по настоянию властей, поскольку публикация заведомой лжи разрушает общественное доверие к средствам массовой информации, на котором базируется их деятельность в демократических государствах.

Какой должна быть реакция журналиста на заведомую ложь официальных лиц? На этот вопрос нет очевидного ответа. В последнее время государственные ведомства все чаще используют методы специалистов по созданию имиджа для воздействия на общественное мнение, и эта практика, по видимому, стала общепринятой. Мы уже отмечали, что в реи-гановские времена некоторые высокопоставленные чиновники сознательно прибегли к дезинформации, чтобы запугать ливийского диктатора Каддафи. Это было проделано с помощью специально организованной утечки полуправды и прямого обмана — те, кто это устраивал, прекрасно знали, что дух острой конкуренции за новости, господствующий в печати, на радио и на телевидении, заставит многих

журналистов как можно скорее обнародовать эти материалы. Когда все открылось, администрация понесла больший урон в общественном мнении, нежели пресса, но журналисты были взбешены — и с полным правом. Есть надежда, что общественность поддержит журналистов в борьбе с сознательной ложью государственных чиновников.

Службы новостей всех трех телекорпораций Эй-Би-Си, Эн-Би-Си и Си-Би-Эс регулируют освещение террористических акций, природных бедствий и всякого рода беспорядков и мятежей, руководствуясь специально разработанными для таких случаев правилами. В частности, во время беспорядков корреспондентам рекомендуется работать, не привлекая к себе внимания, стараться не пользоваться машинами с надписью “Телевидение” и, по возможности, не прибегать к искусственному освещению. Все интервью с террористами могут идти в эфир только с разрешения достаточно высокого руководства телестанций.

Нельзя не признать, что конкурирующие друг с другом телевизионные службы новостей подчас жертвуют канонами профессиональной этики ради скорейшей передачи в эфир “горячих” сообщений. Это и неудивительно, поскольку таким образом они приобретают больше зрителей и увеличивают свой рейтинг, а это привлекает большее число рекламодателей и увеличивает цену рекламного времени (это особенно относится к вечерним новостям).

Теле- и радиожурналисты в целом уделяют меньше внимания освещению работы властей всех уровней, нежели их газетные собратья. Напротив, большинство корреспондентов газет весьма ответственно относятся к наблюдению за деятельностью государственных ведомств. Разоблачая коррупцию, взятки, расточительство, злоупотребление властью, они немилосердно извлекают на свет божий провинившихся чиновников и политиков, оправдывая такую непримиримость традиционной ответственностью печати за работоспособность демократической системы.

Некоторые ученые иронизируют над концепцией печати как сторожевого пса при правительстве, видя в средствах массовой информации часть системы, а не ее независимого критика. По их мнению, зависимость печати, радио и телевидения от рекламных денег прочно привязывает их к существующему порядку. Точно так же многие американцы вне академических кругов нередко принижают роль журналистов в демократическом обществе, особенно если пресса критикует их политических кумиров. Но все же американская журналистика добилась немало в этой роли. Средства массовой информации при всей своей финансовой “прикрепленности” раскрыли великое множество больших и малых злоупотреблений государственной властью. В наше время общество не имеет другого инструмента для борьбы со стремлением властей как можно сильнее засекретить свою деятельность. Хотелось бы надеяться, что журналисты и дальше не потеряют бдительности по отношению к властям, несмотря на отсутствие громких аплодисментов.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА

Подготовка этой книги потребовала изучения большого количества литературы и знакомства со многими работниками журналистского цеха Америки. Автору пришлось побеседовать более чем со ста семьюдесятью работниками средств массовой информации и просмотреть великое множество книг и статей, имеющих отношение к предмету его исследования. В целом у него сложилось впечатление, что американские журналисты преданы своей работе, хорошо образованы и просто по-человечески интересны и значительны. Подчас они проявляют чрезмерную напористость и самоуверенность, но уж, конечно, не в большей степени, чем университетские профессора (и, безусловно, представители других профессий, не столь хорошо известных автору).

Все полученные таким образом сведения автор использовал для неформальной оценки этических аспектов профессионального поведения журналистов. Конечно, сама постановка этой задачи одним-единственным наблюдателем вполне может быть воспринята как проявление изрядной самонадеянности с его стороны. Куда безопасней (но и глупее) было бы провести анкетирование "научно разработанной" выборки респондентов и обработать ответы на компьютере. Однако автор избрал более трудный путь, поскольку отказаться от поставленной задачи было бы просто нечестно по отношению к читателю. Оценки этичности осуществлялись по семи категориям: конфликт интересов, льготы и привилегии, методы журналистской работы, невмешательство в частные дела, чувство сострадания, профессиональная компетентность и, наконец, ответственность.

Читателям следует учесть, что многие (если почти не все) конкретные ситуации, описанные в книге, выставляют

журналистику не с лучшей стороны. В целом эти примеры не столь уж типичны, и было бы ошибкой судить по ним обо всем американском журналистском сообществе, члены которого обычно ведут себя куда лучше, чем может показаться при чтении этой книги.

Конфликты интересов. В последнее время конфликты интересов сделались одним из главных объектов внимания реформаторов журналистики. Однако все еще нет единого мнения, что же именно составляет конфликт интересов и должны ли таких конфликтов избегать все без исключения журналисты, либо только репортеры-новостники.

По распространенному в журналистской среде мнению, все работники служб новостей, от редакторов и продюсеров до репортеров и фотокорреспондентов, должны избегать участия в любой деятельности, которая может повлиять на их независимость и беспристрастность. Список "запрещенных" занятий начинается с политической и партийной деятельности, и с этим все ясно, но следующие пункты определены менее четко. Кое-кто считает, что журналистам не следует регистрироваться для участия в выборах в качестве сторонников республиканцев или демократов и даже примыкать к той или иной церкви. Другие вполне допускают и даже одобряют участие журналистов в работе местных групп, но категорически возражают, чтобы те занимали выборные должности или участвовали в рекламных или пропагандистских кампаниях.

Конфликт интересов может и не быть связан с формальным членством журналиста в каких-либо партиях или объединениях. Щекотливое положение может возникнуть и в том случае, если репортер не проявил должной осторожности в общении с поставщиками конфиденциальной информации, или в обмене информацией, в частности, с сотрудниками ЦРУ и ФБР, полиции и прокуратуры. Аналогичная опасность возникает, если журналист по-

ставляет материалы в третьи издания, составляет для кого-либо выступления и тому подобное.

К владельцам и руководителям средств массовой информации, судя по всему, применяются другие стандарты. Некоторые из них все еще открыто участвуют в политической борьбе, следуя примеру президента Гардинга, который до прихода в политику издавал собственную газету. Однако чаще всего они занимаются не политикой, а общественными делами и бизнесом, хотя между политикой и всем прочим не всегда можно провести четкую грань. В малых и средних городах газеты, радио и телевидение принадлежат к числу самых заметных экономических объектов, и их владельцы нередко играют важную роль в местной общественной и деловой жизни, постоянно сотрудничая с другими бизнесменами. Нельзя не отметить, что кое-кому это дает основания упрекнуть средства массовой информации в чрезмерном подчинении интересам бизнеса. Впрочем, руководители ряда газет, например, "Вашингтон Пост", опасаясь повредить репутации издания, очень осторожны в своих деловых и общественных связях. В целом приходится признать, что публика обращает больше внимания на поведение руководителей печати, нежели рядовых журналистов. Кроме того, конфликтные ситуации могут возникнуть в связи не с самими деятелями печати, а их женами и мужьями, которые тоже ведь могут иметь собственные деловые и карьерные интересы.

Журналистам и владельцам средств массовой информации необходимо предотвращать как реальные конфликты интересов, так и ситуации, которые могут создавать впечатление о наличии таковых. Последние также не следует сбрасывать со счетов — бывает и так, что побочные занятия журналиста никак не сказываются на его работе, однако у публики создается впечатление, что он делает что-то не то, отчего страдает репутация газеты или телестанции. Большинство средств массовой информации за-

прещают любые конфликты интересов, как подлинные, так и только выглядящие таковыми. Быть может, стоит подумать, что куда лучше не запрещать воображаемые конфликты, а разъяснить сложившуюся ситуацию аудитории. Возможно, широкая публика не столь нетерпима к незначительным конфликтам, как считается среди журналистов. В конце концов, конфликты интересов возникают повсюду, жизнь такова, что полностью избежать их невозможно, разве что спрятаться в пещеру и стать отшельником. Журналисты не могут не находиться в гуще жизни — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

"Любезности". Как и конфликты интересов, "бесплатные завтраки" заметно беспокоят тех, кто стремится улучшить этику американской журналистики. В последнее время положение в этой области явно улучшилось, поскольку работники прессы все чаще отказываются принимать сувениры, скидки и прочие льготы и услуги, предлагаемые теми, к кому они обращаются (или могут обратиться) за информацией. Нужно отдать должное крупнейшим службам новостей, много делающим для того, чтобы смыть печать прдажности с репутации американской журналистики.

Однако искусители журналистов еще не перевелись и подчас действуют не без успеха, особенно в небольших редакциях. Нередко владельцы и администраторы газет со скромным тиражом и мелких или средних теле- и радиостанций держат свои службы новостей на столь нищенских бюджетах, что журналисты и редакторы подчас вынуждены принимать оплаченные билеты или места в гостиницах, так как иначе они просто не могут собрать нужную информацию. Поскольку в целом американские средства массовой информации отнюдь не прогорают, трудно поверить, что такая скардность оправдана экономически и что отделы новостей действительно не в состоянии оплатить расходы своих сотрудников. Если

начальство фактически поощряет подачи со стороны, как можно ожидать особой щепетильности и от журналистов?

В то же время надо заметить, что стремление избежать подобных подношений не следует доводить до абсурда. Если журналист просит интервью у бизнесмена или чиновника, а тот приглашает его на обед к себе на работу, поскольку не может выделить другого времени для беседы, то это сильно отличается от приглашения на роскошный банкет по случаю премьеры нового голливудского фильма. Точно так же репортер не совершит смертного греха, если при первом знакомстве с будущим поставщиком информации не откажется от предложения выпить. Необходимо доверять журналистам и позволить им самим решать, когда можно, а когда ни в коем случае нельзя принять угощение и другие любезности.

Журналистские методы. Добывая и публикуя новости, журналисты подчас прибегают к этически сомнительным приемам. Вообще говоря, такие грубейшие нарушения профессиональной этики, как плагиат, фабрикация ложных сообщений и сознательный обман интервьюируемых, настолько противоречат духу современной журналистики, что не стоит даже специально их обсуждать. Тем не менее, сведения, выплывшие на поверхность в восьмидесятилетние годы, весьма болезненно затронули журналистику. Речь идет совсем не о том, что отделы новостей заполнены жуликами. Однако после того как некоторые репортеры недавно признались в том, что использовали в своих статьях выдумки, в журналистском сообществе усилились опасения, что на деле таких случаев было куда больше, только не все они раскрыты, и что опасность их повторения отнюдь не устранена.

Другой грех не столь страшен, но куда шире распространен. Это склонность корреспондентов и редакторов к вольному обращению с фактическими данными, а также и

слишком громкой подаче весьма скромных по значению сведений.

Некоторые журналисты прибегают иногда и к другим жульничествам — например, собирая материалы, они не всегда представляются собеседникам или даже выдают себя за кого-то еще. В теории такое поведение надо признать совершенно неэтичным, однако некоторые уважаемые журналисты утверждают, что иногда только тактика маскировки дает единственную возможность получить нужные сведения. Такой метод иногда называется подпольным репортажем. Некоторые редакторы считают его недопустимым, но другие (и их, возможно, большинство) не видят ничего плохого в таких ухищрениях, если все попытки собрать информацию обычными способами не увенчались успехом.

Обычно подпольные репортажи вынуждают корреспондентов выступать под видом автомехаников, владельцев баров, грузчиков, белошвеек, учителей танцев, нищих, супругов, осужденных за убийство собственных жен, грабителей и тому подобное. Нередко они это делают с ведома тех или иных официальных лиц, как это было, когда газета "Чикаго Сан-Таймс" открыла пивной бар для разоблачения инспекторов-взяточников, заранее проинформировав об этом правоохранительные органы штата. Скрытое сотрудничество с властями может уменьшить опасность "подпольных" журналистских предприятий и облегчить редакторам публикацию полученных материалов, но оно не всегда возможно на практике и не отменяет того неопровержимого факта, что репортеры и в этом случае все же прибегают к маскировке. Особенно позорно, когда репортеры выдают себя за полицейских или следователей, заставляя собеседников рассказывать им такие вещи, о которых люди предпочли бы умолчать, если бы знали, что имеют дело с корреспондентами.

Авторитет журналистики страдает также от слишком

частых ссылок на анонимные источники. В таких случаях аудитория склонна относиться к сообщениям с меньшим доверием или даже вообще не обращать на них внимания. Если исключить чрезвычайные ситуации, когда раскрытие источника может поставить под угрозу человеческую жизнь или общественную безопасность, журналисты должны сомкнуть ряды против организаторов утечки информации и любителей манипулировать общественным мнением, настаивающих на сохранении собственной анонимности.

Подчас репортерам приходится прибегать и к подслушиванию — со скрытыми микрофонами или старым дедовским способом. Получение информации из-за закрытых дверей "методом приложения уха", увы, не так уж редко, и, вероятно, более унижает самого репортера, чем противоречит правилам этики. Однако использование любой электронной подслушивающей техники — это нечто абсолютно недопустимое, во всяком случае, так заявили автору все без исключения журналисты, с которыми ему довелось беседовать. Что же касается использования диктофона без прямого согласия собеседника, то здесь мнения расходятся. Некоторые журналисты допускают его только в особых ситуациях, другие же полагают, что это в принципе ничем не отличается от заметок в блокноте и потому вполне приемлемо. По мнению автора, репортер всегда должен заранее попросить разрешения включить диктофон. Ни в коем случае нельзя делать это скрытно, такое поведение попросту непорочно, однако вряд ли представляет собой серьезное этическое затруднение для журналистики.

А вот вопрос поважнее: это проблема "стайной" работы. Нередко случается так, что на какие-то "горячие" события посылают слишком много репортеров и фотографов, из-за чего те фактически становятся как бы участниками этих событий или даже используются их организаторами. Такое чрезмерное освещение сенсаций особенно огорчительно, поскольку великое множество достойных тем упоминается из-за этого лишь мимоходом или не упоминается вовсе.

В наше время газеты обычно оберегают аудиторию от слишком откровенных фотоснимков и выражений, но такая практика подчас искажает реальные события. Конечно, в стране и так хватает бульварных листков, но редакторам серьезных изданий все же не следует возводить в абсолют свои представления о том, что шокирует и что не шокирует публику, особенно если речь идет об освещении действительно важных событий.

Телерепортеры иногда берут интервью совершенно внезапно, так сказать, из засады, что подчас выставляет интервьюируемых в невыгодном свете. Такие сценки могут очень эффектно выглядеть на экране, но подобную технику добывания новостей не назовешь честной. Сознание свою ответственность журналисты могут устраивать подобные засады разве что на официальных лиц или же на всякого рода сомнительных лиц, которых требуется вытащить за ушко да на солнышко. Газетные корреспонденты иногда тоже прибегают к этой технике, но для них она этически более приемлема, особенно если фотографии интервьюируемых, застигнутых врасплох, не появятся в печати.

Многие фотокорреспонденты считают, что не совершают ничего предосудительного, когда делают снимки в общественных местах без всякого предупреждения. Надо, однако, учесть, что опубликованный снимок может оказаться обидным или унижительным для его персонажа. Еще серьезней этические проблемы, возникающие из-за использования скрытой камеры. Иногда такие снимки допустимы (например, чтобы уличить полицейского-взяточника), но ответственные репортеры используют скрытую камеру только в исключительных случаях.

Есть и такие способы сбора информации, которые выходят за всякие рамки, например, прямая кража или опустошение мусорных баков. Такие вещи случаются, но, к счастью, очень редко. Вместе с другими вышеописанными журналистскими прегрешениями вроде подслушивания

или подглядывания, получается картинка, не совсем соответствующая нашим представлениям об этических нормах этой профессии.

Конфиденциальность. В целом американские средства массовой информации воздерживаются от разглашения имен жертв сексуальных преступлений и несовершеннолетних правонарушителей. Хотя и общество, и печать сейчас стремятся к более открытому обсуждению такого рода преступлений, все же журналисты по-прежнему демонстрируют похвальную осторожность в освещении случаев, где гласность может принести больше вреда, чем пользы.

Сейчас полиция и суды предоставляют больше сведений о преступности несовершеннолетних, так что на журналистов ложится возросшая ответственность за информирование публики. Хотелось бы надеяться, что журналисты и дальше будут воздерживаться от обнародования имен несовершеннолетних правонарушителей, которые должны иметь возможность начать жизнь заново. Некоторые редакторы нарушают неписанный профессиональный запрет и публикуют имена жертв изнасилований, хотя по мнению психологов и криминологов, пресса должна сообщать о сексуальных преступлениях с гораздо большей сдержанностью, чем о любых других.

Обычно считается вполне допустимым вмешиваться в частную жизнь знаменитостей, но журналисты нередко с этим перебарщивают. Государственные мужи, особенно высшие, решаясь вступить на общественное поприще, сами ограничивают свое право на неприкосновенность частной жизни, но лишь в какой-то степени, а не полностью. К сожалению, журналисты не всегда осознают эту тонкость, особенно в отношении родственников знаменитостей.

Точно так же репортеры подчас грешат бесцеремонностью, вторгаясь в дома жертв преступлений и несчастных случаев. Случается, что журналисты злоупо-

требляют чужим доверием или неопытностью в общении с работниками печати и ведут себя так, будто сам Всевышний позволил им ворошить чужие жизни во имя права публики на осведомленность. Такие поступки непростительны.

Наконец, нужно отметить и еще одну тревожную тенденцию. Немало корреспондентов, определяя границу между допустимым и недопустимым в своей работе, более полагаются на законы и судебные прецеденты, нежели на этические принципы. Они спрашивают себя не о том, хороши или дурны их поступки, а о том, как далеко можно зайти, не рискуя проиграть судебный процесс, если кто-либо возбудит иск с жалобой на их действия. Необходимо со всей скрупулезностью продумать общие принципы профессиональной этики и на этой основе разработать новые правила журналистской работы, более четкие, проникнутые моральной ответственностью и не сводящиеся лишь к юридическим нормам относительно неприкосновенности частной жизни.

Сострадание. Многие работники средств массовой информации все еще не хотят воспринять сочувствие ближнему как моральный долг журналистики. Некоторые вообще не придают сочувствию особого значения, другие же опасаются, что оно помешает выполнить главную задачу — добыть новости.

С точки зрения автора, сострадание — одна из важнейших этических норм журналистской профессии. Многие профессиональные ошибки и проступки порождены как раз отсутствием сочувствия и симпатии к тем, о ком журналисты пишут или от кого они получают сведения. Такое безразличие или, хуже, безжалостность порождают внутренне пустую журналистику, которая в лучшем случае поверхностна, а в худшем серьезно искажает действительность. Недостаток понимания и сочувствия, который выказывают некоторые представители нашей профессии, вы-

зывает у широкой публики уверенность в том, что все журналисты самонадеянны, грубы и равнодушны к людям.

Репортерская "холодность" отчасти вызвана тем, что корреспонденты слишком привержены своей роли нейтральных наблюдателей. Стоит напомнить, что действительно крупные журналисты, как правило, и в работе не теряют человеческих качеств. Душевность и человеческое понимание должны считаться профессиональными достоинствами журналистов, а отнюдь не излишней или даже вредной для дела роскошью.

Журналисты теряют общественное уважение и тогда, когда забывают о своих гражданских обязанностях и требуют особых привилегий. Конечно, бывают случаи, когда репортеры могут отказаться сотрудничать с властями (скажем, сохраняя в тайне свои законные источники информации), но делать это можно разве что в исключительных ситуациях. Если журналисты громогласно требуют, чтобы суды или другие органы власти освободили их от выполнения обыкновенных гражданских обязанностей, публика видит в них искателей незаслуженных льгот и привилегий. Не приходится сомневаться, что такое впечатление вкупе со стереотипами журналистской беззастенчивости и безжалостности сильно вредит репутации нашей профессии и мешает ее членам плодотворно выполнять свои обязанности.

Компетентность. Всех этических кодексов и дискуссий еще недостаточно, чтобы гарантировать хорошую работу журналиста, если он не обладает знаниями и мастерством. Поэтому профессиональную компетентность нужно считать важнейшим этическим требованием журналистики.

Возможно, не следует предъявлять журналистам чрезмерные требования по части самообразования — в конце концов, они и так учились куда дольше, чем средний человек с улицы. Но в то же время важно помнить, что

именно журналисты, информируя общество, выступают в качестве его наставников. А ведь учителя обязаны знать больше учеников, не так ли?

Конечно, едва ли не во всех службах новостей есть свои невежды. Сейчас, как и в прошлом, ошибки и неточности — серьезная проблема журналистского дела. Кроме того, лидеров профессии беспокоит недостаточная подготовка руководителей средств массовой информации, которые нередко получают эти должности лишь потому, что были хорошими репортерами, а это еще не делает их настоящими редакторами.

Для повышения журналистской компетентности необходимо что-то предпринять. Ясно, что более образованные журналисты работают лучше, чем менее образованные. Стоило бы так же увеличить слишком низкие начальные зарплаты, которые только отпугивают способных людей от журналистской работы. Важно всеми способами удерживать в редакциях талантливых сотрудников, чтобы они не предпочитали более престижные и денежные сферы деятельности, такие как реклама, политика или образование. Бегство компетентных журналистов привело к тому, что во многих службах новостей преобладают работники не старше 35 лет, в то время куда лучше для дела иметь сотрудников различных возрастов и профессиональных уровней. Кроме того, еще неплохо доучивать репортеров в самих редакциях и почаще посылать их на переподготовку в хорошие университеты.

Наконец, необходимо привлекать к работе принципиальных людей с сильным характером. Конечно, это легче сказать, чем сделать. Как прикажете заранее определить, обладает ли кандидат этими качествами? Нетрудно проверить, хорошо ли он владеет литературным языком, но еще никто не придумал быстрых тестов для определения характера. Без сомнения, не надо было бы заботиться о соблюдении этических кодексов, если бы редакции

состояли лишь из честных и высоконравственных сотрудников. Конечно, идеал недостижим, но искать таких людей необходимо.

Ответственность. В наши дни средства массовой информации, в особенности газеты, всерьез стараются исправлять свои ошибки. Но в целом работники печати, радио и телевидения все еще не придают должного значения ответственности перед обществом.

Во-первых, некоторые владельцы средств массовой информации уверены, что они подотчетны разве что своим акционерам, если таковые имеются. Они видят в своем деле всего лишь обычный бизнес, полностью игнорируя ту ответственность перед обществом, которая обусловлена конституционными гарантиями свободы печати. К счастью, таких отсталых личностей становится все меньше и меньше.

Во-вторых, средства массовой информации еще недостаточно используют социальные механизмы, которые могли бы повысить их ответственность. К моменту написания этой книги только три телевизионные корпорации и примерно сорок из семнадцати сотен ежедневных газет имели в своем штате омбудсменов (представителей читателей). Многие редакторы, не желающие вводить должность омбудсмана, заявляют, что и сами в состоянии разобраться со всеми жалобами и претензиями читателей, но эти утверждения редко оправдываются на практике. В 1984 г. прекратил свое существование Национальный совет новостей, после кончины которого в Америке сохранились всего лишь две небольшие организации того же рода. Одна из них находится в Миннесоте и занимается только делами этого штата, а деятельность второй распространяется на один лишь город Гонолулу. Подобные советы успешно работают в Англии и других европейских странах, но большинство американских редакторов эту идею еще

не поддержали. Наконец, можно по пальцам перечислить корреспондентов, чья специализация — критика коллег по профессии. В стране есть два крупных журнала, посвященных проблемам журналистики, и несколько малых; кроме того критика журналистики эпизодически привлекает внимание некоторых университетских исследователей. Есть и чисто идеологическая критика, которой занимаются различные организации, например, АФТ-КППГ* или Торговая палата. Эта критика может быть вполне искренней, но журналистам легко сбросить ее со счетов, отговариваясь тем, что критики пристрастны и представляют не широкую публику, а определенные группы.

Возможно, стоит подумать о новых путях повышения ответственности прессы перед обществом. Но самые изобретательные предложения не приведут ни к чему, если журналисты будут продолжать упорно сопротивляться всем попыткам контроля, исходящим не от их профессиональных организаций. Отдельные граждане могут удовлетворить свои претензии, обратившись к редактору или омбудсмену или возбудив судебный иск. Но для журналистики в целом таких механизмов общественного контроля все же недостаточно. Публика не должна сомневаться, что журналисты выполняют свои профессиональные задачи честно, ответственно и без злоупотреблений.

ЭТИКА ВЫИГРЫВАЕТ ОТ КАЧЕСТВА

Большинство приведенных в этой книге примеров этически сомнительного поведения журналистов относится к работе самых известных и уважаемых органов массовой информации Америки. Не слишком вдумчивый читатель мог бы, пожалуй, даже решить, что у таких редакций куда боль-

* Крупнейшее профсоюзное объединение Американская федерация труда - Конгресс производственных профсоюзов.

ше проблем с профессиональной этикой, чем у их менее крупных собратьев. Отчасти это связано с тем, что крупнейшие газеты, радио- и телестанции постоянно на виду, и их промахи легче привлекают внимание. Но есть и другое объяснение: крупные СМИ особенно рьяно охотятся за новостями и потому часто попадают в непростые ситуации. Те редакции, которые не любят риска и предпочитают безопасные источники, например, информационные агентства, избегают многих этических осложнений. Но, поступая так, они впадают в совсем уж непростительный грех, изменяя своему профессиональному долгу, требующему неустанно выискивать новости и сообщать их публике со всей возможной точностью и полнотой.

Автор пришел к выводу, что в лучших редакциях больше сотрудников с сильно развитым чувством ответственности. В целом умение и мораль идут рука об руку. К сожалению, многим журналистам, которым меньше повезло с местом работы, не у кого научиться ни профессиональному мастерству, ни твердым этическим принципам. Очень важно, чтобы лидеры журналистского сообщества не устали напоминать коллегам, как важно соблюдать профессиональную этику. Нельзя уклоняться от честного обсуждения этических аспектов журналистики, в котором должны участвовать владельцы средств массовой информации, администраторы и редакторы, журналисты всех специальностей, преподаватели факультетов журналистики, и, разумеется, читатели, слушатели и зрители.

В то же время руководители служб новостей должны смелее осуществлять перемены, способные повысить и профессиональное качество, и моральный уровень. Реформы не только не препятствуют дебатам, но и фактически их стимулируют. Многие этические проблемы журналистики не разрешаются с помощью механического применения готовых правил и требуют новых и новых дискуссий — важно только, чтобы такие споры велись разумно и цивилизованно.

Журналистам, стремящимся усовершенствовать этику своей работы, следует прекратить добиваться специальных привилегий как для себя лично, так и для средств массовой информации вообще. Свобода слова и печати — достояние всех американцев, а не только членов журналистского сообщества. Приходя на работу, журналисты не перестают быть ни гражданами своей страны, ни просто людьми. Если настаивать на сохранении этических норм, отделяющих журналистику от общества, проиграют и общество, и журналистика. Профессиональная этика журналистского сообщества остро нуждается в таких принципах, которые бы стимулировали постоянный, упорный и бескомпромиссный поиск информации обо всем, что происходит в мире и затрагивает интересы общества, которому и обязаны служить журналисты. Эти принципы должны требовать от журналистов работать не только тщательно, непредубежденно, с полным уважением и состраданием к людям, но и правдиво и честно информировать свою аудиторию, сопровождая информацию комментариями и анализом, которые сделают эти сведения понятными широкой публике. И на этом можно поставить точку.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС ОБЩЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Общество Профессиональных Журналистов считает главным долгом журналистов служение истине.

Мы верим, что органы печати должны распространять фактические сведения и быть средоточием общественных дискуссий, действуя в соответствии со своим конституционным мандатом и свободой изыскивать и публиковать информацию.

Мы верим, что просвещение общества — необходимое условие справедливости, и наше конституционное право искать истину и информировать о ней широкую публику.

Мы верим, что эти цели налагают на журналистов обязательства исполнять свою работу компетентно, объективно, точно и непредубежденно.

Поэтому мы заявляем, что осуществлению перечисленных целей должны способствовать следующие стандарты практической работы:

Ответственность. Широкая публика имеет право на осведомленность обо всем, что затрагивает интересы общества, и практическая реализация этого права — важнейшая миссия средств массовой информации. Пресса распространяет новости и способствует просвещению публики, внося тем самым свой вклад в благосостояние общества. Журналисты, использующие свой профессиональный статус ради личной выгоды или иных недостойных целей, предают высокое доверие, которое оказывает им общество.

Свобода печати. Необходимо охранять свободу печати как неотъемлемое право граждан свободного общества. Свобода печати подразумевает свободу и обя-

занность журналистов обсуждать, оспаривать и критиковать действия и заявления как государственных органов, так и общественных и частных институтов. Журналисты имеют как право высказывать непопулярные суждения, так и привилегию соглашаться с мнением большинства.

Этика. Журналист должен чувствовать себя свободным от обязанностей служить иным целям, кроме права общества на осведомленность.

1. Подарки, любезности, бесплатные поездки и прочие привилегии могут скомпрометировать репутацию как самих журналистов, так и их работодателей. Не следует принимать никаких сколько-нибудь ценных подношений и услуг.

2. Необходимо избегать работы на стороне, общественных должностей, участия в политике и службы в местных организациях, если такая деятельность ставит под угрозу репутацию журналиста и органа печати. Журналисты и их работодатели в частной жизни должны вести себя так, чтобы не допускать реальных или кажущихся конфликтов интересов. Они обязаны превыше всего ставить ответственность перед аудиторией — такова суть их профессии.

3. Сообщения от частных источников не могут быть обнародованы без должного подтверждения их информационной ценности.

4. Незирая на любые препятствия, журналисты обязаны заниматься поиском общественно важных новостей, постоянно добиваясь, чтобы работа публичных институтов была открытой, а их протоколы и архивы были доступны широкой публике.

5. Журналисты признают требование профессиональной этики защищать источники конфиденциальной информации.

6. Плагиат бесчестен и недопустим.

Точность и объективность. Доверие общества — основа основ серьезной журналистской работы.

1. Наша высшая цель — истина.

2. Важнейшая цель журналистики — объективность. Это критерий профессионализма, к достижению которого мы неустанно стремимся. Мы отдаем дань уважения тем, кто в этом преуспевает.

3. Неточности и небрежность в освещении событий непростительны.

4. Газетные заголовки должны полностью соответствовать содержанию статей. Фотографы и теле-репортеры обязаны давать точную и сбалансированную визуальную информацию.

5. Недопустимо смешивать изложение новостей и выражение мнений. Новостные материалы не могут содержать личных мнений их авторов и должны непредубежденно представлять различные точки зрения.

6. Групповые и партийные взгляды, отражаемые в редакционных статьях и комментариях, не могут содержать сознательных искажений истины. Нарушение этого принципа противоречит духу американской журналистики.

7. Журналисты осознают свою ответственность за публикуемые аналитические статьи и обзоры, комментарии и редакционные суждения. Подготовку таких материалов следует доверять лишь компетентным, опытным и рассудительным работникам средств массовой информации.

8. Следует специально оговаривать случаи, когда автор статьи выражает или защищает собственные суждения и выводы.

Честная игра. Журналисты неизменно должны уважать достоинство, права, благосостояние и личную жизнь всех тех, с кем они имеют дело, собирая и публикуя новости.

1. Средства массовой информации не вправе обнародовать неофициальные инвективы, затрагивающие репутацию и характер критикуемых, не предоставив тем возможности выступить с ответом.

2. Службы новостей не должны нарушать ничьих прав, вытекающих из принципа неприкосновенности частной жизни.

3. Не следует угождать низменному любопытству в освещении подробностей преступлений и порока.

4. Допущенные неточности необходимо исправлять быстро и полностью.

5. Журналисты должны отвечать перед широкой публикой за правильность своих сообщений. Следует поощрять аудиторию предъявлять прессе претензии за все ошибки и злоупотребления. Нужно стремиться к широкому диалогу с нашими читателями, слушателями и зрителями.

Обязательство. Каждый журналист должен самым активным образом предотвращать нарушения вышеперечисленных профессиональных стандартов и требовать того же от своих коллег. Соблюдение кодекса профессионального поведения должно обеспечить взаимное доверие и уважение между американской журналистикой и американским обществом.

Кодекс утвержден в 1973 г., дополнен в 1984 г.

КОДЕКС АССОЦИАЦИИ ДИРЕКТОРОВ ОТДЕЛОВ НОВОСТЕЙ РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Члены Ассоциации директоров отделов новостей радио и телевидения видят свою главную обязанность, равно как и обязанность всей теле- и радиоиндустрии, в

том, чтобы обеспечивать публику максимально точной, полной и своевременной информацией. Исходя из этого, они заявляют, что полностью признают нижеперечисленные профессиональные стандарты и твердо намерены как можно полнее соблюдать их на практике:

Статья Первая. Первостепенная цель радио- и тележурналистов, затмевающая по важности все прочие задачи, состоит в точном и полном информировании публики обо всех событиях, заслуживающих общественного внимания.

Статья Вторая. Программы новостей должны не только своевременно и точно информировать аудиторию, но также представлять все факты в надлежащем контексте, чтобы придать им адекватный смысл и перспективу.

Статья Третья. Теле- и радиожурналисты должны отбирать материалы для новостей исключительно на основе их информационной ценности.

Статья Четвертая. Теле- и радиожурналисты должны неизменно проявлять полное уважение к достоинству, частной жизни и благосостоянию персонажей своих программ.

Статья Пятая. Теле- и радиожурналисты в частной жизни и в любой непрофессиональной деятельности должны вести себя так, чтобы не допустить реальных или кажущихся конфликтов интересов.

Статья Шестая. Журналисты электронных средств массовой информации стремятся активно искать любые новости, обнародование которых служит интересам

общества. Они делают это, невзирая на любые попытки с чьей бы то ни было стороны придать этим новостям определенную окраску или преотвратить их передачу в эфир. Журналисты не жалеют усилий, чтобы открыть двери, обычно закрытые для публики, с помощью инструментов своей профессии (аппаратов звукозаписи и телекамер) и в соответствии с интересами общества. Они уважают требование профессиональной этики охранять содержание и источники конфиденциальной информации и настаивают на его неуклонном соблюдении за исключением тех случаев, когда таковое явно противоречит интересам общества.

Статья Седьмая. Работники электронных средств массовой информации признают свою ответственность за подготовку информационно обоснованных аналитических материалов, комментариев и редакционных замечаний, осуществляемую силами профессионалов, компетентных, умелых, пользующихся доверием.

Статья Восьмая. В зале суда, как в ходе заседаний, так и в иное время, журналисты соблюдают все необходимые правила и приличия и стараются по возможности никому не мешать, производя съемки и записи.

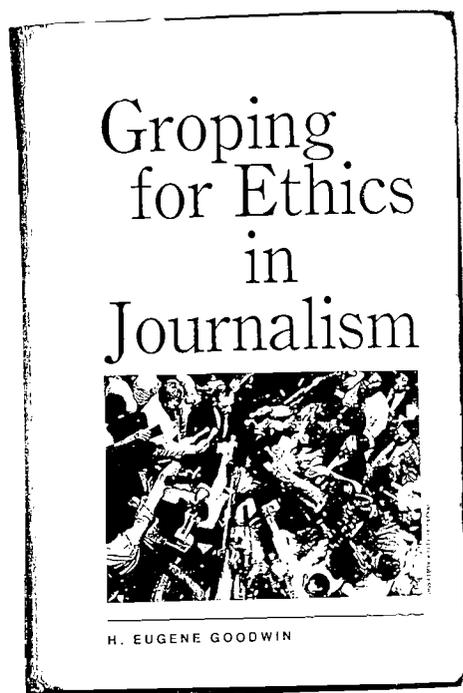
Статья Девятая. Сообщая о событиях, которые могут оказаться предметом судебного иска, журналисты избегают любых действий, которые поставили бы под угрозу чье-либо право на справедливый суд.

Статья Десятая. Журналисты точно учитывают источники всех передаваемых в эфир новостей.

Статья Одиннадцатая. Журналисты радио и телевидения самым тщательным образом предотвращают

любые нарушения вышеперечисленных стандартов профессионального поведения и побуждают к тому же всех своих коллег, состоящих или не состоящих в АДОНРТ.

Утверждено в 1966 г, дополнено в 1973 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бернард Шоу, "Пигмалион", Избранные произведения, Москва, Панорама, 1993, стр. 277.
- 2 Интервью автора, 9 сент. 1981 г.
- 3 Интервью автора, 25 ноября 1980 г.
- 4 Интервью автора, 7 октября 1981 г.
- 5 Интервью автора, 24 сентября 1981 г.
- 6 Интервью автора, 5 июня 1981 г.
- 7 Paul Janensch, "Journalistic Ethics ... Public Discussion and Private Soul-Searching", *Louisville Courier-Journal*, Oct. 4, 1981.
- 8 Интервью автора, 8 апреля 1981 г.
- 9 *A Free and Responsible Press: Report of the Commission on Freedom of the Press*. Robert M. Hutchins, Chair. (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1947); Fred S. Siebert, Theodore Peterson, Wilbur Schramm, *Four Theories of the Press* (Urbana: Univ. of Illinois Press, 1956), 74-78.
- 10 Siebert et al., *Four Theories*, p. 77
- 11 Интервью автора, 3 сентября 1981 г.
- 12 Clifford G. Christians, "Fifty Years of Scholarship in Media Ethics", *Journal of Communication* 27, no. 4 (Autumn 1977).
- 13 John L. Hulteng, *The Messenger's Motives: Ethical Problems of the News Media*, 2d ed. (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1985), 12.
- 14 Harold L. Cross, *The People's Right to Know* (New York: Columbia University Press, 1953).

- 15 Интервью автора, 5 июня 1981 г.
- 16 Walter Lippman, *Public Opinion* (New York: Macmillan, 1922; Free Press Paperback, 1965), 226.
- 17 Интервью автора, 8 октября 1981 г.
- 18 Edwin R. Bayley, *Joe McCarthy and the Press* (New York: Pantheon, 1982), 212.
- 19 Интервью автора, 25 ноября 1980 г.
- 20 *Problems of Journalism: Proceedings of the ASNE 1923* (Washington, D.C.: ASNE 1923), 39-52, 118-125.
- 21 Clifford Christians, "Enforcing Media Codes", *Journal of Mass Media Ethics* 1, no.1 (Fall/Winter 1985-1986): 14-21.
- 22 Интервью автора, 19 марта 1986 г.
- 23 Интервью автора, 10 сентября 1981 г.
- 24 Интервью автора, 2 сентября 1981 г.
- 25 Интервью автора, 7 октября 1981 г.
- 26 Интервью автора, 14 марта 1986 г.
- 27 "Newsroom Ethics: How Tough is Enforcement?" ASNE Ethics Committee Report, 1986.
- 28 Интервью автора, 28 мая 1981 г.
- 29 Интервью автора, 19 октября 1981 г.
- 30 Интервью автора, 14 октября 1981 г.
- 31 Оценка была проделана Дэвидом Айсенем, директором исследовательского и информационного отдела Газетной Гильдии, Вашингтон, апр. 1981 г.

- 32 Интервью автора, 17 апреля 1981 г.
- 33 Интервью автора, 18 апреля 1981 г.
- 34 Докладная записка исполнительного секретаря комитета по контрактам Газетной Гильдии Ричарда Рэмси руководителям Гильдии. 13 апреля 1976 г.
- 35 Norman E. Isaacs, "Journalism Ethics – 1975-2000" ("Журналистская этика-1975-2000"), лекция в вашингтонском университете, перепечатана в *Social Responsibility: Journalism, Law, Medicine* (Lexington, V.: 1975).
- 36 Интервью автора, 7 октября 1981 г.
- 37 Daniel J. Leab, *A Union of Individuals: The Formation of the American Newspaper Guild, 1933-1936* (New York, Columbia University Press, 1970).
- 38 Charles Perlik, тезисы, подготовленные для V регионального съезда, Muncie, Ind., 9 Apr. 1976.
- 39 Интервью автора, 17 апреля 1981 г.
- 40 Интервью автора, 10 февраля 1986 г.
- 41 "The High Cost of Foreign Freebies", *Washington Journalism Review* 4, no. 9 (Nov. 1982); 9-11; интервью автора, 29 октября 1981 г.
- 42 Интервью автора, 4 ноября 1981 г.
- 43 Интервью автора, 16 сентября 1981 г.
- 44 Интервью автора, 24 сентября 1981 г.
- 45 Отчет комитета по профессиональным стандартам за 1979 г.

- 46 Интервью автора, 28 мая 1981 г.
- 47 Интервью автора, 23 октября 1981 г.
- 48 Интервью автора, 24 февраля 1986 г. — Cliff Brown, "The Public's Right to Know Can Kill You", неопубликованная статья, которую автор имеет в своем распоряжении.
- 49 "The American Did Not Take Part in Hoax", *Hattiesburg (Miss.) American*, Dec. 11, 1984.
- 50 Duane McAllister, "Publisher Goes on Donahue Show to Defend a Tough Ethics Decision", *Gannetteer*, March 1985, 6-7.
- 51 Janet Braswell, "Police Stage Hoax to Stop Contract 'Hit'", *Hattiesburg (Miss.) American*, Dec. 11, 1984.
- 52 Frank Sutherland, "A Man Threatens Murder in Hattiesburg — And Debate Rages on Using False Stories", Editorially Speaking section of *Gannetteer* 40, no. 7 (August 1986): 4-8.
- 53 Интервью автора 19 марта, 1986 г.
- 54 Sutherland in *Gannetteer*, 8.
- 55 Peter Braestrup, "Duty, Honor, Country", *Quill* 73, no.8 (Sept. 1985): 15-21.
- 56 Интервью автора, 10 февраля 1986 г.
- 57 Интервью автора, 21 февраля 1986 г.
- 58 Phillip Knightly, *The First Casualty: From the Crimea to Vietnam — The War Correspondent as Hero, Propagandist, and Myth Maker* (New York: Harvest Book, Harcourt Brace Ivanovich, 1975).
- 59 Michael Schudson, *Discovering the News: A Social History of American Newspapers* (New York: Basic Books, 1978), 171-172.

60 Charles W. Bailey, *Conflict of Interest: A Matter of Journalistic Ethics*, доклад Национальному новостному совету, 1984 — George F. Will, "A Journalist Is a Citizen Also", *ASNE Bulletin*, Nov. 1983; "N.Y. Daily News Drops Will Column", *Editor & Publisher*, July 16, 1983.

61 "Schultz Calls for 'Crackdown' on Disclosure of Classified Data", *New York Times*, March 16, 1985; "State Department Bureau Is Instructed Not to Speak to a Times Reporter", *New York Times*, Feb. 28, 1985; Laura Rehrmann, "Should Watchdogs Go Inside?", Dec. 10, 1984, неопубликованная статья, находящаяся в распоряжении автора.

62 Rehrmann, "Should Watchdogs"...

63 "Could the Media Have Prevented Shuttle Disaster?" *Editor & Publisher*, July 12, 1986, 11, 35.

64 Интервью автора, 2 ноября 1981 г.

65 Интервью автора, 6 октября 1981 г.

66 Интервью автора, 9 сентября 1981 г.

67 Интервью автора, 8 сентября 1981 г.

68 Интервью автора, 8 января 1982 г.

69 Интервью автора, 28 октября 1981 г.

70 Интервью автора, 8 октября 1981 г.

71 Интервью автора, 5 октября 1981 г.

72 Интервью автора, 25 сентября 1981 г.

73 Sissela Bok, *Secrets: On the Ethics of Concealment and Revelation* (New York, Vintage Books, 1984), 177.

74 Howard Simons, "Government and National Security", отрывок из доклада на съезде Американского общества редакторов газет, опубликованный в *Editor & Publisher*, Apr. 26, 1986.

75 Bok, *Secrets*, p. 208.

76 "CIA Weighs Action on Washington Post Article", *New York Times*, May 22, 1986; "CIA Director Urges Inquiry on NBC Broadcast", *New York Times*, May 20, 1986; "The Casey Offensive", *Columbia Journalism Review* 25, no. 2 (July/Aug. 1986).

77 *Columbia Journalism Review*, 19.

78 Jim Anderson, "The Pot Calls the Kettle Black", *Washington Post*, May 11, 1986.

79 "Administration is Accused of Deceiving Press on Libya", "Schultz Justifies Scaring Qaddafi By Us of Press"; "News Executives Express Outrage", *New York Times*, Oct. 3, 1986; "Spokesman Quits State Department Post on Deception Issue", *New York Times*, Oct. 9, 1986.

80 "Lesson on Flacking for Government", *New York Times*, Aug. 30, 1984.

81 Mike Royko, "Blowing the Whistle on a Loud Silence at NASA", *Orlando Sentinel*, March 11, 1986.

82 Anthony Marro, "When the Government Tells Lies", *Columbia Journalism Review* 23, no. 6 (March-April 1985); Drew Middleton, "Barring Reporters from the Battlefield", *New York Times Magazine*, Feb. 5, 1984; 36-37, 61, 69, 92; "Coverage Efforts Thwarted", *News Media and the Law*, Jan/Feb., 1984.

83 "Pentagon Activates Press Pool to Cover Libya Bombing", *Presstime*, May, 1986, 69.

84 Christopher H. Little, "Newspaper Law and Fairness", 16-18.

Генри Шульте

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ЖУРНАЛИСТАМИ*

Лицо городского мэра багово от раздражения.

"Это нечестная игра," — зашипел он на журналистку, едва переступив порог зала заседаний муниципалитета. "Неужели вы не понимаете, что вы сделали с моей репутацией? В своей статье о Комиссии по правам человека вы совершенно неправильно расставили акценты и выпятили лишь одни ошибки".

Не желая выслушать ответ, разъяренный градоначальник двинулся прочь, а стоявший неподалеку городской советник подошел ближе и дружелюбно склонился к девушке.

"Отличный был материал.. Наконец-то вы стали на нашу сторону. Не слушайте этого старого лиса," — произнес он с явным удовольствием.

Едва ли не самая сложная задача журналиста — установить отношения с чиновниками, для которых превыше всего собственные цели, в том числе зачастую карьерные соображения. Неудивительно, что журналисты не очень-то доверяют чиновникам, которые, в свою очередь, держат против прессы круговую оборону, не брезгуя самыми бесстыдными средствами

Многие журналисты с великой охотой видят себя в образе Святого Георгия, отважно выступающего с одним лишь копьём (в данном случае это портативный компьютер, видеокамера или, на худой конец, старомодная пишущая машинка) на праведную битву с могучим Драконом (это, конечно, эгоистичные политики и государственные чинов-

*Глава из книги: Henry H. Shulte. *Reporting Public Affairs*. Mcmillan Publishing Co., Inc. New York, 1981.